

Татяна Хрисанфова

Тростинка

16+

Татяна Хрисанфова

Тростинка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хрисанфова Т. А.

Тростинка / Т. А. Хрисанфова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Молодой князь Властимир находит в оружейной палате старинный меч. Его нянька Прося, изучив рунный узор, нанесенный на меч древними мастерами, предостерегает князя, предсказывая, как может измениться судьба, если он будет владеть этим мечом. Властимир не верит ей. Он молод, любим женщинами, удачлив. Вместе с братьями князь ходит в походы, защищая владения от половцев. В боях меч ни разу не подвел его. Но однажды в степи собираются многочисленные отряды кочевников, грозя нападением на русские города. Князя, объединив дружины, выступают навстречу врагу. И начинают сбываться предсказания Проси. Жизнь Властимира стремительно меняется.

© Хрисанфова Т. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Старый князь лежал на смертном одре. Душа медленно покидала одряхлевшее тело. Князь ни о чем не жалел. Картины прошлого проплывали перед его потускневшими очами. Он прожил трудную, но славную жизнь. Много воевал. Храбро отбивал набеги половцев, приумножая и защищая свои владения. Воевал с соседями, расширяя и присоединяя к своим владениям новые земли. Ходил в походы, сажал на свои земли полоненных смердов. Он заложил четыре посада, в которых теперь будут княжить его сыновья. Вокруг городов насыпаны огромные валы, стоят высокие частоколы, глубокие рвы защищают города. По четырем сторонам света стоят башни дозорные из вековых бревен.

Построил князь и хоромы, из которых в скором времени отправится в последнее путешествие. Вырастил четверых сыновей. Научил их: в бою не трусить, быть всегда впереди дружины. Ростом и статью трое сыновей пошли в него. Ликом же все трое удались в любимую жену. Четвертый не был похож на братьев. Этот средний сын был рожден от наложницы. Но князь воспитал его в своем доме. Учил всему, чему учились братья. Росли сыновья добрыми воинами, дружными между собой, почитающими родителей. Наложница, от которой родился сын, давно умерла, и княгиня не делала различий между братьями. Любила до последнего своего вздоха всех четверых. Княгини не стало три года назад, и теперь князь надеялся на встречу с ней, там, далеко... Четверо сыновей с хмурыми лицами сидели у его изголовья. Все они понимали, что ничем не помогут старому отцу. Не в обычае воинов лить слезы. Потому все сидели молча. Князь давно поделил свои владения, определив каждому сыну по городу. Старшие сыновья правили в соседних княжествах. После смерти отца самый младший и самый любимый сын Властимир останется князем в отцовской вотчине. Старшие братья не возражали против отцовской воли. Князь приподнял голову:

– Дайте мне свои руки!

Братья протянули правые руки к дряхлой трясущейся руке отца. Тот накрыл их второй рукой и тихо произнес:

– Живите, как жили при мне! Вместе вы – сила!

Высохшая его рука безвольно упала на покрывало. В глазах братьев блеснули слезы. Старший из них ладонью прикрыл отцу веки. По древнему обычаю, князя отвезли на санях запряженных волами в храм и захоронили рядом с любимой женой, под бледно-розовой мраморной плитой.

Глава 1

По лесной опушке, изредка нехотя натягивая удила, ехал князь в сопровождении верных дружинников. Сидел он на белом коне. Конь гнул лебединую шею, потрясая чесанной бело-снежной гривой. Тонкие ноги его беспокойно топтали траву. Темный лес с густыми деревьями, шумящими высокими раскидистыми кронами пугал коня. Он прядал ушами и изредка фыркал, выражая свое неудовольствие.

Седок, покачивающийся в седле, высок, молод, в талии тонок. Двадцать шестая весна унесла свои воды, с той поры, как гордый отец вынес его, новорожденного, на высокое крыльцо терема и представил своей ликующей дружине. Под одобрение дружинников нарек он сына Властимиром.

Лицом пригож молодец, волосы светлые, выются до широких плеч. Взгляд прямой, уверенный. Цвет очей его меняется; зависит их цвет от думок, что роem выются в княжеской голове. То туман осенний стелется в очах, то сияют они небесным огнем голубым, то дымом от костра обернутся ясные княжеские очи. Одет он в рубаху белую, из полотна заморского, перехваченную по талии пояском, кованным из червонного золота. Подол рубахи вышит узорами красными, да синими, угольчатыми. Не здешние те узоры. Не шьют таких узоров росичи. А шьют они узоры округлые, очам приятные, все больше цветы полевые, что на лугах звонким летом цветут. На плечи князя плащ накинут да фистулой заколот, под стать пояску. Один мастер выковал такие

богатые, да тонкие украшения. По краям красного плаща узор вышит ниткой золотой, да тоже не простой. Видно, плащ шили в заморских странах. Не понять росичам таких строгих узоров.

Конь, под стать хозяину, покрыт красной попоной, по краям тож узор золотом. Узда на голове коня изукрашена бляхами золота червонного. Грудь белоснежная цепочкой из расплющенных золотых колец украшена. Любит, стал быть, князь своего коня, лелеет. Конь поводит по сторонам лиловыми выпуклыми глазами и норовит перейти на рысь.

Наездник узду держит твердою рукою: не ослушается ретивый конь. Ласково уговаривает его хозяин:

– Орлик! Чего ты боишься? Чай не впервой в лесу!

Устало клонится на плечо голова молодца. От чего устал князь? Какие думы нелегкие одолели его? На опушку эту он приезжал пировать да думы думать вдали от суеты. Сегодня князю надо думки воедино собрать да решение непростое принять.

Надо выбрать из трех невест жену.

Все три предполагаемые девушки пригожи да милы.

Но молодое ретивое сердце ни к одной из них не потянулось. На взгляды нежные не отозвалось, не забилося чаще.

Вот и тяготили князя думы.

Женщин в его жизни было много. Да и как не быть? Молод да собою хорош. Молодые вдовушки не отказывали ему в любовных утехах.

Но парню быстро надоедали они.

Напрасно потом выглядывали вдовушки в надежде залучить его еще на ночку. Он дорожку торил к другому палисаду.

Теперь, приняв после смерти отца княжество, следовало остепениться, чинно жить в тереме, завести жену, чтобы сыновей рожала, чтобы было и после него кому княжить в родном посаде, охранять его от набегов ворогов да от людей лихих.

Остановились около раскидистого осокоря, что обосновался могучими корнями недалеко от темного озера, загадочно задумчиво перебиравшего свои глубокие воды. Осокорь этот, в три человеческих обхвата, был любим князем. Уж сколько лет, сколько зим он поверял старому дереву свои думы. Холопы, невдалеке, на сочно-зеленой полянке растягивали шатер.

Властимир с близкими дружинниками сегодня ночью пировать будет.

А пока он уселся на расстеленной дядькой под деревом попоне.

Орлика слуги стреножили и пустили на поляну. Конь щипал травку и ревниво косил глазом на хозяина. Слуги споро разводили костер из собранных в чаще сучьев. Свежевали убитую в лесу коосулю, покрывали траву скатертями, расставляли яства да вино в кувшинах из серебра. В глиняных кувшинах подавали столетний мед.

Властимир окликнул своего верного друга – воеводу Андрея. Вместе они росли, вместе ходили в походы, доверяли друг другу самые сокровенные тайны. Андрей степенно опустился на попону. Он был наслышан о заботах князя.

– Ну, так подскажи по дружбе, – улыбнулся Властимир.

– Негоже в таких случаях совет держать, княже, – серьезно ответил друг – воевода.

– А я совета не прошу. Ты вот рассуди, какая из них больше подходит в княгини?

– Эх, друже, экий ты нерешительный в делах сердешных. В сечи не думаешь – рубишь направо и налево. Может и тут так: на кого глаз ляжет, на той и женишься? Тебя неволить некому. Выбирай.

– А я думаю, что Млада уж больно весела. Улыбается много, да и лицо у нее круглое..., – стал рассуждать князь.

Андрей спрятал улыбку в пушистых усах.

Властимир продолжал свои мысли, не обращая внимания на друга:

– Дросида – ростом высока, в кости широка..., – озаботился он, – а с годами состарится!...

Князь ненадолго замолчал, словно представляя себе Дросиду в преклонных летах.

Он вздрогнул и тряхнул головой:

– Нет! Вот – Милица! Красива и добра, а уж как кротка. Да и ростом она не слишком вышла. По плечо мне будет. Вот такая должна быть княгиня, – решил Властимир наконец.

– Воля твоя, друже. Милица тебя любит. Может сложиться счастье! – Андрей не стал перечить другу.

Властимир повеселел. Выбор сделан. Теперь можно пировать.

Дружинники весело придвинулись к накрытому столу. Верный дядька сначала сам испробовал медовуху из предназначенного Властимиру кубка и лишь потом протянул его князю. Все пили за здоровье князя, закусывали разложенными яствами. Двое холопов принесли на вертеле зажаренную косулю.

Дядька отрезал лучший кусок и подал князю.

Остальные сами резали от туши: кому, что понравится. Дружинники, сопровождавшие князя, были все близкими друзьями, проверенными в боях да в попойках, поэтому не церемонились и пили-ели от души. Медовуха развязала языки, стало веселее на душе. Властимир нашел взглядом гусяра и попросил сыграть на гусях. Молодой темноволосый дружинник настроил гусли и запел, перебирая струны. Веселая песня понеслась по поляне. Голос певца, чистый и звонкий, заставил замолчать птиц лесных. Казалось, весь лес прислушивается к песне, звеневшей чище лесного ручейка. Голос то поднимался, улетая выше сводов старых деревьев, то опускался ниже озерных вод, то плыл над ними, перешептываясь с озерным прибоем. И даже когда певец замолчал, на поляне еще стояла тишина, словно все ждали продолжения. На лицах дружинников застыли добродушные улыбки.

Князь похвалил певца и сам налил медовуху в его кубок. Протянув кубок гусяру, князь так и застыл с протянутой рукой.

Серебристый смех остановил его. Смех был явно женский и доносился сверху. Взоры дружинников поднялись к вершине осокоря. Но в густой листве они никого не разглядели.

– Русалка, поди, шалит, – высказал предположение один из дружинников. – На этом озере их много.

– Эй, покажись! – звонко крикнул вскочивший на ноги певец. – Иди пировать с нами!

– А не обидите? – послышался сверху веселый и нежный девичий голос.

– Не обидим! А если не покажешься, стрясем тебя оттуда, – строго пообещал гусяр.

Вверху опять послышался веселый смех:

– Меня так просто не достать вам.

– Вот сейчас залезу к тебе, – пообещал Андрей, – быстро спущу.

– Не троньте ее, – вступился за русалку Властимир. – Сама спустится. Без воды долго не вытерпит. Давайте лучше еще медовухи отведаем – хмельна очень.

– А меня медовухой угостите? – весело спросили сверху.

– Не знал я, что русалки медовуху пьют, – усмехнулся князь.

Вверху зашелестела листва, и, тут же, из-за толстой ветки показалось девичье лицо. Девушка бесшумно заскользила по веткам и через мгновение предстала пред очи дружинников. Была она среднего роста, длинные волосы цвета спелой ржи обрамляли ее лицо, и такая тонкая, что, казалось, можно одной рукой обхватить ее талию. Щеки розовыми пятнами горели на лице, несколько вздернутый нос не портил ее, скорее, наоборот: прибавлял «дичинки» облику. А глаза русалочки: глубокие и зеленые.

В первое мгновение всем показалось, что это действительно русалка выплыла из озера. Дружинники заворуженно смотрели на красавицу.

Она, весело сверкнув белыми зубами, произнесла:

– Онемели, что ли?

Пришедший в себя Андрей протянул к ней руку и прикоснулся к ее ладони:

– Теплая! А говорят, что русалки ледяные!

Кругом, недоверчиво, засмеялись дружинники. Но приблизиться к девушке никто не захотел, мало ли: вдруг защекочет? Русалки они такие: защекочат, да в воду уволочут. И помочь некому будет, заморозит всех, заморочит.

Сомнения рассеял смерд из ближайшей деревни:

– Не русалка она. В лесу живет с бабкой своей. По деревьям вон лазает, да прячется, не угонишься за ней. А так – девка, как девка. Не любят только ее в деревне. Бабка ее – ведьма. Да и сама она – нелюдимка. Лесовинка, одним словом. Говорят, что они с бабкой с лешими да с кикиморами знают. Недалече в лесу домишко их...

– Чего не утопите, раз ведьма? – спросил пожилой седобородый дружинник.

– Так она – безвредная ведьма. Деревенских лечит от хворей всяких. Роды у баб при-
мает. Тем и кормится. Девчонка – не родная ей. Подкидыш. Весен шестнадцать-восемнадцать
прошло с тех пор, как она нашла ее у себя на пороге ночью. Так и живут вместе. Женщина
деревенская выкормила ее своим молоком; у нее, вишь, сын был маленький на то время. А так
– пусть себе живут. Места немного занимают.

Властимир разглядывал сидящую на траве девушку.

Она была очень юная, было в ее облике что-то необычное. Русалочье...? Движения ее
рук, поворот головы были плавными, как будто девушка привыкла плавать по водной глади и
теперь ей тяжело без привычной стихии.

В душе князь подивился.

Он впервые видел такую необычную, полудикую красавицу, хотя и навидался красавиц
не только русских, но и заморских...

...А тонка как. Кажется, повеет ветерок и унесет ее далеко-далеко, и никогда князь не
увидит ее больше. Он очнулся от мыслей, в душе подивившись, что думает о девушке.

Андрей уже отрезал кусок мяса и протянул девушке.

– А ме-до-вухи? – разочарованно-протяжно произнесла она.

– Мала еще медовухой баловаться! – урезонил ее убиравший объедки холоп.

– Ты иди, иди себе, мужик, – проводил его князь.

Холоп, укоризненно оглядываясь и недовольно бурча, отошел сторону. Зачем понапрасну
спорить с князем?

Властимир поднес недопитый кубок девушке:

– Вот, отпей.

Девушка, не жеманясь, отхлебнула из серебряного кубка и улыбнулась:

– Сла-а-дко как!

Она одним махом жадно допила остатки.

– Это, ты, зря, – заметил князь.

Он протянул девушке пирог с рыбой. Та откусила и закрыла глаза от удовольствия,
раньше она не лакомила такой пищей.

Подошедший снова холоп заговорил с девушкой осуждающе:

– Не след тебе тут находиться, отпила из княжеского кубка, дак и убирайся восвояси.

Девушка резко вскочила и тут же пошатнулась.

Дружинники заулыбались: непривычна девчонке крепкая медовуха.

Князь взмахнул рукой, подзывая к себе дядьку. Тот без слов понимал своего подопеч-
ного. Подхватив девушку, как пушинку, понес ее в шатер.

Холоп осуждающе глянул на князя, но перечить больше не стал.

Дружинники снова наливали медовуху, звенели кубки, лилась речь. Снова пел для князя
да для дружины гуслиар по имени Млад, разгоняя темноту то веселыми, то грустными песнями.

Наконец, дружинники подустали от пиршества, некоторые клевали носом в остатки еды, некоторые храпели, растянувшись на траве. Холопы укрывали спящих попонами.

Поздней ночью Властимир, оставив пиршество, пошел, наконец, к шатру.

Луна освещала тихую ночь. Лес спал. Спали зверушки и птички, спали белки и медведи, лоси да олени; лишь вдаль ухала сова, гоняясь за мышами.

Привычный к медовухе князь вовсе не был пьян. Шел по поляне твердыми шагами.

Едва различимый шорох заставил его оглянуться.

В зарослях кустарника, во тьме, князь увидел два светящихся огонька. Он подумал, что это глаза, но они не могут быть глазами животного. Князю даже на миг показалось, что он видел уже сегодня такие же или похожие... Взгляд был явно направлен на него.

Да, за ним следят!

Князь поднял с травы сухую палку и бросил в кусты. Зеленое свечение погасло, и тут же над Властимиром пролетела огромная черная тень. Князь успел пригнуться, потому тень не коснулась его. Бесшумно темное пятно исчезло в лесу.

Властимир усмехнулся, но будить товарищей не стал. «Может и правда привиделось? Уж больно крепкая медовуха!»

Откинув полог шатра, он вспомнил о девушке. Князю подумалось, что она давно убежала восвояси. Но, переступив порог, он обнаружил ее сидящей в середине шатра. Властимир вспомнил ее красоту, и хмель ударил ему в голову, заставив забурлить медовуху в крови. Князь, сдерживая себя, чтобы сразу не схватить ночную гостью в объятия, опустил рядом с ней на колени. Увидел блеснувшие зеленым огнем глаза. Значит, она ждала его.

– Почему не ушла? – прошептал Властимир.

– Ждала, когда ты придешь! – голос девушки дрожал от волнения.

Властимир опустил руки на тонкие плечи. Она всем телом подалась навстречу. Не помня себя, князь уже целовал ее в припухшие губы, руки шарили по ее телу, не встречая на своем пути никаких преград. Руки девушки обвили его могучую шею, она прижималась к Властимиру всем телом. Князь чувствовал, как трепещет ее тело от его прикосновений. Руки быстро стаскивали с нее одежду, ощущая горячее девичье тело. Князь коснулся ее маленькой груди и сильно сжал. Девушка застонала. А князь уже стаскивал с нее рубашку, целуя горячие плечи, грудь, опускаясь все ниже. Он расстегнул свой пояс, и тонкая рука девушки заскользила под его рубаху, в нетерпении стаскивая ее.

Наконец были сброшены мешающие одежды.

Властимир неистово целовал ее гибкое тело, а она, извивалась под ласками князя, пересохшими губами целовала его грудь, гладила спину, перебирала его густые волосы. Князь в нетерпении раздвинул ей ноги. Она застонала под его напором, но не отодвинулась, лишь крепче прижалась к горячему мужскому телу. Князь застонал от наслаждения.

Потом они лежали рядом, Властимир крепко прижимал ее к себе, боясь отпустить. Кажется: стоит только выпустить ее из объятий, как она исчезнет, раствориться в глубине озера и уже никогда не появится.

«Ведь она – русалка», – думал князь, хмельной от ее близости, – «а русалкам не место в тереме; да скоро и свадьба у него, женится он, все же, на Милице...»

Мысли князя перепутались, и он уснул, не выпуская из объятий горячее девичье тело.

Наступившее утро разбудило лес, наполнило его звуками, заря окрасила небо, траву и деревья розовым светом. На осокорь опустился соловей, расправил крылья и рассыпался звонкой трелью, заглушая все звуки кругом, видно из зависти хотел затмить ночные песни гусяра. Опушка замерла, слушая соловьиные переливы. Соловей, словно чувствуя, что окружающие прислушиваются к его пению, пуще старался, высвистывая сложные колена.

Первый неуверенный луч заглянул на поляну, рассыпался на яркие слепящие крошки в ветвях осокоря, скользнул дальше, осветил траву под деревом, отразился от капли росы и пошел плясать по поляне, рассеивая розовую мглу, пробуждая птиц и козявок.

Поляна сразу оживилась, будто ее обитатели только и ждали, когда их обогреет солнышко. Зашуршали в траве змеи, уползая от запаха человека; отряхивались птицы, собираясь на охоту за букашками; где-то рыкнул медведь: наверное, солнечный лучик потревожил его крепкий сон.

В шатре просыпался молодой князь. Он открыл глаза и оглянулся.

После вчерашнего бражничанья с приближенными дружинниками, в голове его стучало, словно кузнецы били по наковальне.

Князь, не поднимая головы, кликнул своего дядьку. Тот опрометью, не смотря на преклонные годы, метнулся к лежащему, подал на серебряном подносе кубок с соком квашеной капусты.

Властимир пригубил питье и повалился на подушку.

– Домой пора, чадо, – заметил старый слуга.

– А русалка вчерашняя где? – приподнял голову князь.

– Русалка, русалка, – бурчал слуга, собирая одеяло из лисьих шкур, – помстилось тебе, княже, русалок давно в наших лесах нету. А про лесовинку вчерашнюю спроси у смерда: он всех в деревне знает, поди скажет, где она обитает. Только на кой она тебе? Пора жениться да о детках помыслить.

Слуга собрал раскиданные вещи, помог Властимиру одеться, подал зеленые сафьяновые сапоги.

Наконец, князь вышел из шатра. Дружинники приветствовали его. Властимир сурово оглядел своих сотрапезников. Было видно, что и для них хмель не прошел бесследно. Хмурые, они седлали коней. Молча уезжали с поляны.

Проясняющееся от легкого ветерка сознание князя заполнялось думами о предстоящей свадьбе. Теперь, когда была определена невеста, нужно было готовить свадебный пир да созывать гостей на пиршество. Предстояло много забот.

Ночная встреча с незнакомой девушкой ничего не изменила в его сознании. Не первая и не последняя; сколько таких еще будет в его жизни? И будет ли такая, которая осветит всю его жизнь, заставив забыть о том, что существуют другие женщины? Станет единственной, которую он будет любить, и которая будет любить его беззаветно и преданно, пронеся любовь через всю отмеренную жизнь?

Ни о чем таком не думал князь.

«Он молод, полон сил и все у него впереди».

Так или приблизительно так думал Властимир, выезжая из леса.

Дурман покидал его голову, свежий лесной дух прояснял разум, наполнял силой могучее тело.

И вот уже князь плечи молодецкие расправил, воздух свежий лесной вдохнул, да твердою рукою дернул узду, понуждая Орлика пуститься рысью. Конь непокорно гнет шею, но послушаться хозяина не смеет, и ускоряет бег.

Ранним утром в избушку, стоящую в лесной чаще, тихо, стараясь не потревожить спящую старуху, словно тень скользнула молодая девушка.

Лежащая на лавке женщина приподняла голову:

– Не сплю я! И знаю все, что ночью было!

Девушка кинулась перед ней на колени:

– Мамо, я люблю его! Не жалею я ни о чем!

Старая женщина оттолкнула ее голову сухой, морщинистой рукой. На ее усталом, иссохшем и изборожденном глубокими морщинами лице читалась глубокая печаль.

– Не вернуть уж ничего, – спокойно произнесла она. – Только не нужна ты ему, в хоромы он другую приведет. Богатую да знатную. А тебе любить его издалека.

Она горестно махнула рукой и, поднявшись с лавки, захлопотала у очага.

Глава 2

Речка Смолка из трясины, где кикиморы живут, начало свое берет. Неспешно: по болоту, ручейком говорливым, по топям прячется да к славному городу Мальцу воды свои темные несет. Отчего вода в речке темная, не ведает никто. Одни говорят, что бездонно глубока река, дна не достать; другие бают, что не река по лесу течет, а слезы девушки, в давние времена полонённой вождем местного племени.

Была она не похжей на местных девушек. Тонкая в талии, лицом темнее, чем местные жители; языка ее не понимал никто. Не прижилась она в здешних местах. Не смогла смириться с неволей и, однажды, сбежала. По берегам речки шла да забрела на болото.

Ее долго искали; не нашли.

С тех пор живет она на болоте, возвратиться не может, оттого и плачет. Звали ее Смолка, по имени ее речку звать стали. Речка по над городом Мальцом протекает. За холмами городскими поворачивает река, дальше петляет по лесам, по долинам, воды речушек мелких по пути собирает, да, как все другие реки, к морю их несет. Много она видит на своем длинном пути, да только не сказывает ни кому о том. Хоронит тайны людские на своем глубоком дне...

На свадебный княжий пир в город Малец съезжались приглашенные гости из разных городов. Холопы едва успевали размещать приехавших в покоях, как прибывали новые повозки. Падая от усталости, не успевая преклонить головы, холопы хлопотали с новоприбывшими гостями.

Князя, бояре, воеводы прибывали с охраною, добавляя забот с размещением дружинников, да чужих холопов.

Приехали и трое братьев со своими женами и чадами.

Жена старшего брата, Радомира, дородная женщина, несмотря на кинувшихся навстречу хозяйских холопов, сама направилась в давно облюбованные покои. Обмахиваясь тонким, шитым голубым шелком платком, она на ходу отдавала распоряжения своим холопам. Те кидались выполнять ее приказы. Пана не любила возражений или непонимания. Даже Радомир редко спорил с ней.

Следующим приехал средний брат, князь Борил, с двумя отроками: старшим Кириллом да младшим Радулом, и женою Евдокиєю, веселой, разбитной женщиной. Князь Властимир встретил брата на пороге терема. Они обнялись, братски похлопывая друг друга по спине. Евдокия, жеманно утерев губы шитым платком, чинно подошла к Властимиру и, улыбаясь, расцеловала его в уста. Ее под руку подхватила вышедшая старая нянька Прося и увела в хоромы.

Ближе к вечеру приехал третий брат, Василь, с тремя дочерьми и женою, женщиной кроткой и набожной. Раина первой подошла к Властимиру и, прикрываясь покрывалом, позволила князю Властимиру поцеловать себя в щеку. Она перекрестила князя и отошла в сторону, предоставив возможность братьям поздороваться. Племянницы, стесняясь, стояли в стороне, ожидая, когда на них обратит внимание дядя. Наконец, гости были благополучно размещены в просторных покоях старого терема.

На следующее утро начались обряды предшествующие венчанию.

Невесте и жениху «чесали головы».

Потом на голову Милицы надели кичу и повойник с фатой – уборы замужних женщин. Над лбом повойник был украшен шитьем и жемчугом. На лентах висели височные кольца, собранные из крупных жемчужных бусинок. Поверх длинной сорочки надето было несколько коротких платьев, с широкими рукавами из восточных вышитых шелков. Запястья и предплечья невесты украшали массивные створчатые браслеты из золота.

Перед поездкой к венцу невесту и жениха осыпали хмелем, чтобы жизнь была веселая. Чтобы жизнь богатая была, внесли невестино приданое – шубы разные: бобровые, кунии, собольи, а чтобы будущие роды легкими были, внесли тюфяки, соломой набитые.

Обвенчались молодые в храме Богородицы, построенном еще в бытность старого князя. В тереме, на поварне суетились слуги, готовясь к пиру. Столы накрывали на улице, прямо перед широким крыльцом терема, натягивая над ними полога. Издали могло показаться, что в гости на княжеский двор пожаловали кочевые половцы.

Смущенных молодых усадили во главе стола.

На щеках Милицы, словно маков цвет, играл румянец. Никогда прежде ей не приходилось видеть сразу столько людей, да еще и выслушивать речи, совсем не подходящие для ушей молодой девушки.

Холопы сновали от стола к столу, принося все новые и новые яства, наливая в кубки хмельные мёды.

На столе у молодых кубков не ставили, подразумевая, что в первую ночь молодые и так будут хмельные друг от друга.

Первым застольную речь держал старший брат Радомир. Он желал молодым пройти по длинной жизненной дороге, поддерживая друг друга «и в радости и в злой доле», буде случится таковая. Гости, зашумели, одобряя и поддерживая его. По очереди братья желали молодоженам многих чад, желали приумножения добра, прибавления злата, серебра в ларях. Дружно звенели поднятые кубки. Дружно пили гости, славя молодых.

Холопы несли на огромных блюдах жареных лебедей, высокие караваи хлеба, начиненные зайчатинной и бараниной пироги, жареную рыбу, блюда с вареным мясом, наливные яблоки, фиолетовые сливы, желтые груши. Чего только не было на столах.

У гостей уже маслено светились глаза от изобилия еды, когда принесли зажаренного на вертеле оленя и несколько косуль. И опять пили и ели гости. Наконец, подустав от выпитого и съеденного, гости пожелали плясать.

Гусли так и прыгали в руках Млада, словно сами хотели пуститься в пляс от задорной мелодии, исходящей из них. Им вторили несколько рожков, раззадоривая народ, залихватски перебивая друг друга громкими переливами, неистовствовали свирели.

Наплясавшись и изрядно устав, пожелали слушать песни гусяра.

Млад, тряхнув черными кудрями, ударил по струнам длинными перстами и запел чистым звонким голосом. Далеко за пределы ограды терема улетела песня.

Услышав ее, гости затихли. Заворожил певец всех своим голосом. А песню запел такую грустную, что многие жены вытирали глаза от набежавшей слезы. И не только жен проняла та песня. Загрустили и многие мужи, пролившие немало крови на поле брани.

Отчего так невесел гусяр...? Отчего тоска в очах его...? Отчего взгляд его так и тянется к молодой невесте...?

Не допел гусяр свою тоску.

Борил, не выдержав, прервал его:

– Не ту песню ты поешь, гусяр! Давай-ка повеселей, чтобы гости смеялись, чтобы молодые не грустили!

И снова тряхнул певец темной головой, отогнал тоску и рассыпались гусли веселыми звуками, позвали гостей на пляску. От их призывного перезвона трудно было усидеть на месте. Снова плясали гости. Потом гусяр пел песни, прославлявшие молодого князя, его ратные подвиги и его красавицу жену. До глубокой ночи не смолкал свадебный пир. Холопы угощали медовухой и закусками всех прохожих и проезжих зевак. Наконец, настало время отправить молодых в опочивальню. В среднюю палату первой ввели невесту. Перед нею слуги несли на широком блюде каравай с деньгами – к богатой и сытой жизни будущей семьи. Властимир отправился в опочивальню со слугою, помогавшему ему раздеться. Вслед новоиспеченному

мужу посыпались пожелания и намеки на предстоящую ночь. Властимир, лежа в постели, дождался прихода молодой жены. В опочивальню Милица вошла, робко опустив голову. Распущенные волосы закрывали ее побледневшее лицо и опущенные плечи. Милица явно боялась предстоящего. Она подошла к кровати и робко опустилась на край. Властимир положил руку на ее плечо и потянул к себе. Милица напряглась от его прикосновения. Хотя мать и нянька, предупреждали ее, чтобы она не противилась ласкам мужа, она не смогла преодолеть своей боязни. Властимиру было непонятно ее напряжение. Он стал целовать ее в губы, но они оказались холодны, словно вода в ручье. От его поглаживаний девушка вздрагивала, хотя и не пыталась отодвинуться. Вскоре, разочарованный, Властимир отодвинулся от молодой жены и захрапел. По щекам Милицы текли слезы. Не так она представляла себе замужество. Неужели надо будет каждый день терпеть то, что было сегодняшней ночью? Неужели у всех так? Она подозревала, что не у всех. Ведь раньше она бывала на чужих свадьбах! Утром молодые смотрели друг на друга такими сияющими глазами! Вряд ли Властимир завтра будет смотреть на нее так же. А как она посмотрит в его глаза? Она ведь любит его. Любит давно. В первый раз, она увидела его у крыльца отцовского терема, гарцевавшим в свете солнечных лучей на Орлике. Он всего один раз улыбнулся ей, да и то, как дочери знатного боярина. С тех пор она не могла думать ни о ком другом. И теперь все девичьи грезы осуществились. Она стала его женой. Тут Милице в голову пришла мысль, заставившая похолодеть: «а любит ли он ее?» Следом, змеёй, приползла ещё одна: «может он другую любит? Ведь мужчинам многое дозволено!» Уснула Милица с беспокойной душой.

Свадьбу пировали целую неделю, перепоив весь город медовухой и заморскими винами, освободив княжеские кладовые от многих запасов. Постепенно гости разъезжались. В княжеских хоромах воцарялась привычная тишина. Жизнь приобретала установившийся раньше порядок. Холопы убрали покои, мели в палатах, водворяли в лари серебряную да золотую посуду.

Милица привыкала к роли хозяйки в княжеских хоромах. Во всем она старалась угодить мужу. По утрам, поднимаясь рано и открывая кладовые, проверяла: хорошо ли убраны хоромы, приглядывала на поварне. Распоряжения холопам отдавала кротко, без крика. И все слуги в доме, как-то сразу, привыкли к молодой хозяйке и даже полюбили ее. Старая нянька князя, Прося, души, не чаяла в молодой княгине. Тем более что Милица, оторванная от родного дома, искала у нее утешения и понимания. Прошло уже две недели с момента ее переезда к мужу, а она так и не поняла, как надо вести себя с ним. Вечером Милица робко спрашивала мужа о том, какие яства приготовить завтра? Но Властимир явно не одобрял ее забот о себе. Он равнодушно говорил, что жена сама должна решать это. Милица бежала к старой няньке выведывать, что по утрам любит, есть муж? Нянька гладила ее по голове и приговаривала:

– И-и-и, милушка, не привередлив наш ясный сокол, да и на поварне знают его вкусы, не переживай ты.

Потом нянька долго рассказывала о проказах князя в детстве, о его вкусах. Милица слушала и понимала, что ей еще много надо узнать о своем муже, чтобы понять его. Часто она задумывалась над тем, как бы угодить Властимиру в постели, чтобы он не был так равнодушен. Милица пыталась неумело ласкать мужа, но он, словно не понимая ее намерений, устало отворачивался к стене. Однажды Милица решилась и спросила у няньки, любила ли та когда-нибудь? От такого внимания молодой княгини выцветшие глаза Проси озарились ярким светом. Было видно, что своим вопросом княгиня затронула в ее душе потайную струнку. Милица, затаив дыхание, ждала откровения. Но нянька, пошамкав пожухлыми губами, ответила:

– Все молодыми были. А теперь не помню я ничего. Да и не к чему тебе про холопов расспрашивать.

Милица поняла, что напрасно затеяла разговор: Прося не захотела откровенничать. Видно никто не поможет ей наладить отношения с мужем.

Глава 3

Властимир не придавал особенного значения тому, как будет складываться семейная жизнь. У жены должны быть свои заботы, пусть себе шьет, ткёт, хозяйством занимается, детей рожает. А все остальное ее не касается. Муж обеспечит всем необходимым. Мало ли у князя забот: надо дань собирать, надо охотиться, коней объезжать, холопов судить, следить за порядком в городе. Границы свои охранять. Хоть город и расположен в лесах, вдали от степей, и посадки братьев выгодно защищают его, но враг вездесущ. Вдруг принесет нелегкая половцев. Надо следить, чтобы дружина не дремала, всегда наготове была.

В огромной оружейной палате по стенам были развешаны ковры, привезенные из Персии. На коврах висели старые мечи, которые в бытность свою собрал его отец. Прислонённые к стенам стояли копья, боевые топоры, на полу лежали сабли, щиты. Теперь уж мало кто мог припомнить, откуда в оружейной палате появились они. Старый князь много странствовал по свету, в молодости воинственен был, по прошествии лет путешествовал за море. Оружие было его главной страстью. Добытое в боях или купленное у заморских купцов, оно бережно хранилось в княжских хоромах. Властимир помнил, с какой любовью отец чистил мечи, точил наконечники для стрел. В боях отец пользовался тяжелыми мечами, выкованными местными кузнецами. Но в палате на стенах висели мечи, отделанные золотом и драгоценными камнями. На некоторых мечах оставляли непонятные для русичей письмена заморские мастера. Другие были украшены уже знакомыми – русскими узорами и клеймами. Властимир примерил к руке несколько мечей. Они были неплохие, но ни один не приглянулся князю. Властимир снял длинный меч, ножны которого были отделаны серебряными пластинами. Князь освободил его из ножен и принялся рассматривать. Посреди лезвия меча на обеих сторонах были выбиты древние руны. Властимир размахнулся и рубанул мечом воздух. Пальцы сжали настолько удобную рукоять, что не захотелось возвращать его в хранилище. Властимир почувствовал, что теперь никогда не расстанется с этим оружием. Он запер палату и по коридору направился в опочивальню, когда его окликнула старая нянька:

– Никак ты новое оружие себе выбрал, сынок?

Властимир опустил на стоящую у стены лавку, чтобы показать меч няньке. Она присела рядом и пристально осмотрела обнаженное лезвие. Властимир, одной рукой поддерживая меч, наклонил его над Просиными коленями. Она принялась ощупывать руками холодное лезвие. Властимир забеспокоился, что старая может пораниться, и попытался забрать оружие. Нянька предостерегающе подняла руку:

– Смотри, князь! Не простой тот меч.

Едва гнуцимися пальцами Прося перебирала по лезвию, стараясь прощупать выступающие руны.

– Я видела этот меч в нашем стойбище, там, около синего моря. Он принадлежал моему отцу.

– Его выковали в твоём племени? – с интересом спросил Властимир.

– Нет, чадо! Его выковали небесные кузнецы. Мое племя платило им дань, но никто никогда не видел этих мастеров. Они выковали не один меч. Раз в несколько лет вождь племени находил на священной поляне под старым дубом меч. Вождь приносил его в стойбище, и каждый воин должен был подержать находку в своих руках. Мечи сами выбирают хозяев. Тот, кто почувствует себя избранным, и владеет мечом. Старики нашего племени говорили, что рядом с кузнецами живут вечные старцы. Они варят зелье из небесной влаги и при этом говорят слова пожелания. Каждое слово, упавшее в зелье, становилось заклинанием. Пожелания разные. Когда их становится слишком много, в чаше закипает, тогда к ней подносят меч и льют на лезвие из чаши. Никто не знает, какие пожелания выльются и будут действовать: добрые или недобрые. Те, которые попадут на него, будут сопровождать человека и сбываться в его жизни. Никак нельзя изменить предназначения. Меч, который ты держишь в руках, не

подошел никому из наших. Про такие мечи говорили, что у них не может быть хозяина, они должны жить своей жизнью. А ежели кто возьмет его, изменит меч жизненный Путь того человека. Станут заклятия тяготеть над ним. Потому и не пользовался им мой отец. И твоего отца, моего господина, я предостерегла. Вот и висел он в оружейной палате. Если мечом не пользоваться, предназначенное останется при нем. Без хозяина он безвреден.

– Я не верю в твои рассказы нянька! – Властимир поднялся на ноги.

– Подожди, – удержала Прося князя, – наши старцы иногда видели вещие сны. В снах они увидели, что можно брать руду из маленькой горы возле моря и ковать мечи. Во снах к ним пришло значение рун. Если я не забыла, то скажу тебе, что вижу: руны эти два кузнеца оставили на нем. Разные они.

Но, даже приглядевшись к рунам, Властимир не мог уловить разницу. Ему казалось, что руны одинаковы и по высоте, и по ширине. Нянька покачала головой, осуждая недалекость князя. Руны шли от основания вниз и заканчивались с обеих сторон одинаково большими, по отношению к другим, знаками.

– Так что это означает? – вскинул голову Властимир.

– А значит это, что у обладателя меча жизнь будет неровная. Нянька перевернула лезвие обратной стороной. И снова непослушные пальцы шупали лезвие. – А здесь – дети.

– Дети?

– Да... Трое... Сыновья. Вот эта большая руна одна на двоих. Для отца и старшего сына. Рука няньки дотянулась до конца лезвия, потом снова стала ощупывать уже более мелкие руны.

– Другие руны говорят о предательстве, о полоне говорят! – Прося резко отдернула руку. Князь с удивлением смотрел на старуху:

– Сколько лет ты у нас, а я не знал, что ты ворожея! Может, предскажешь, что же сулит мне меч?

– Нет, сынок, не колдую я. А руны те помню еще из далекой страны, откуда совсем юной привез меня твой отец. Много воды утекло с тех пор, а вот не забыла я. Она тяжело вздохнула и поднялась с лавки.

– Так все изменится, говоришь? – остановил ее Властимир.

– Увидишь!

– А ежели не верю я?

– Не надо было тебе меч в руки брать! Смирись, сынок. Начертанное на мечах моего племени, никому не удавалось изменить. Теперь меч будет прокладывать твою дорогу. Покопись. Путь тот пока неизвестен. Руны нельзя подкупить, нельзя договориться с ними. Кому-то они устилают путь муравой мягкой, пушистой. Непокорным прибавляют камешков острых на пути. Властимир поднялся. От нянькиных слов веяло непонятным холодком, но вернуть меч в оружейную князь и не подумал. Ладонь, непроизвольно, сжимала нагретую сталь. Молодое его сердце безоглядно стремилось жить, стремилось вкушать блага мира, стремилось познать, что там впереди? Свой Путь Властимир проложит сам, будет жить так, как захочет. Никто и ничто не помешает ему! Предательство?! В своих дружинниках князь уверен, как в самом себе. Не один раз спасал его Андрей от острых пик половцев. А если бы Млад не кинулся наперерез всаднику, занесшему меч над его головой...

Властимир не верил, что ПУТЬ может зависеть от одного неосторожного прикосновения. Он молод, полон сил. Властимир будет воевать, будет расширять свой город. От торговли с заморскими купцами пополнится казна, значит, в город прибудет много народа. Он возведет красивые храмы, добудет много добра в битвах. И судьба сама покориться! Сама будет преподносить князю чудеса на блюде золотом!

Глава 4

По степи пронесся свежий ветерок, разгоня застоявшуюся духоту. Птицы примолкли в ожидании. Суслики поспешили ближе к норкам, боясь намокнуть. Ветерок окреп и погнал по

небу бледно-серые тучки, заставив их пролиться ласковым дождичком. Под его напором приникли к земле травы. Резко запахло полынью. Тучки, освободившись от влаги, поторопились восвояси. От одного края горизонта до другого раскинулась яркая радуга, лениво выглянуло солнце.

В кибитке откинули полог, впуская свежую прохладу. Хан Бадух, развалясь, возлежал на шелковых подушках. Его толстый живот обтягивал вышитый шелковый халат, подпоясанный плетеным шнурком. Правой рукой, унизанной перстнями, Бадух ласкал грудь молодой жены. Ханша щурила и без того узкие глаза, показывая, какое блаженство она испытывает от прикосновения жирной руки своего старого мужа. Одной рукой она поднесла хану кубок с крепким питьем. Хан ласково посмотрел на жену и, взяв из ее рук кубок, мелкими глотками отпил из него. В это время в дверях кибитки тихо возник молодой воин. Он украдкой бросил взгляд на полуобнаженную молодую ханшу и тут же опустил на колени перед Бадухом. Его голова, увенчанная лисьей шапкой, уткнулась в пол кибитки. Хан повелительно взмахнул рукой, и воин поднялся на ноги.

– Я слушаю тебя, – хан продолжал лениво потягивать питье.

По узким губам воина скользнула хитрая улыбка.

– Хозяин города, до которого один день пути, уехал на пир к своему брату... – вкрадчиво промолвил воин.

Хан не проявлял никакого интереса к речам воина.

– Город – богатый, деревни около него – многолюдные. Там нас ждет большая добыча. Многие русичи уехали с князем, – распялялся воин, бросив вкрадчивый взгляд в сторону ханши.

Жирное лицо хана покраснело, в глазах отразилась жадность. Воин отлично понимал происходящее смятение в душе хозяина. Тому очень хотелось новой добычи, но не хотелось оставлять молодую жену одну. Он недавно привез ее из дальнего стойбища и не успел еще полностью насладиться. Прикрыв глаза, Бадух размышлял.

– Я знаю обходной путь, – вкрадчиво продолжал воин, – по балкам можно близко подобраться к лесу. А из лесу легко напасть на город, – половец опять замолчал.

Хан беспокойно заерзал на подушках.

Пришедший настойчиво продолжил свою речь:

– Я видел дальние ворота, их охраняют вечно пьяные стражники...

Наконец, жадность победила в душе хана, и он взмахнул рукой, удаляя воина. Тут же в кибитку вбежал слуга и Бадух велел собирать воинов в поход. К вечеру следующего дня большой отряд половцев атаковал деревню во владениях Радомира. Пользуясь проверенным приемом, половцы неожиданно налетели на деревню. С криками и гиканьем, наводящими холод в душах смердов и холопов, половцы ворвались в спящую деревню. Жители, не ожидавшие появления врага, выскакивали из своих изб, пытаясь укрыться от неприятельских стрел и копий. Простоволосые женщины с плачем металась по улице, руками укрывая детей на своей груди. Воины в островерхих лисьих шапках арканами ловили безоружных людей и тащили их в общую толпу на полянке. Они скакали по деревенской улице, на ходу поджигая соломенные крыши, врывались в избы, унося все, что попадало под руку, выгоняли скотину из загонов.

Из толпы раздетых людей слышались проклятия и вой женщин. Испуганные дети вопили и жались к ногам матерей. Наконец, устав от грабежа и опьянев от пролитой крови, воины столпились около плененных. Хан Бадух, подъехав к толпе, разглядывал мужчин и женщин.

Скоро наступят холода, и надо будет откочевывать к южному морю на зимовку. Перед дальним походом надо было запастись скотом, выносливыми лошадьми и рабами, чтобы можно было продать их на невольничьем рынке в городе Изюме. Хан был доволен. Эти высокие мужчины с могучими плечами ценились на восточных рынках. Из женщин можно будет выбрать рабынь для себя и для воинов. Хан подъехал поближе, чтобы в рассветных сумерках отобрать

лучшую добычу. Он протянул руку и пощупал плечо кряжистого немолодого мужчины. Тот выпрямился и плюнул в лицо толстого хана. Тут же двое воинов скрутили мужчину за руки и повалили его на землю. Третий, достав плетеный из конских волос кнут, стал жестоко стегать провинившегося. Бадух махнул рукой вниз, обрекая на смерть своего обидчика. Воины тут же оттащили мужчину в сторону и, взмахом клинка, закончили его земной путь. Толпа притихла от неожиданности. Завыли женщины в толпе. Одна из них бросилась к бездыханному телу. Воины пиками отгородили пленных, не давая подойти к убитому. Плетьюми и копьями понукая людей, половцы построили их по двое и двинулись в путь. Опустевшая деревня догорала, безмолвно провозжая своих недавних жителей.

Жадность не давала покоя хану Бадуху. Безнаказанное нападение на деревню вызвало желание грабить еще и еще. Отряд половцев уже второй день передвигался по лесу. Опасаясь, погони, они кружили в лесу, словно хитрые лисы, путая следы. С такой добычей отряд передвигался медленно, да и трудно было скрыть следы многих ног и копыт. Но разведка хана доносила, что погоня за ними не выслана. Город не давал покоя Бадуху. Он был окружен толстой бревенчатой стеной. С двух сторон в ней были прорублены ворота. Весь день ворота были открыты, впуская и выпуская приезжих и пеших путников. Немногочисленная охрана стояла по обеим сторонам от ворот. Несколько стражников прохаживались по городской стене. И все же, используя прием неожиданного нападения, можно было проникнуть в город. Вряд ли по приезду князя будет такая возможность.

И Бадух решил на нападение.

Половцы неожиданно появились из лесной чащи. Они с жуткими воплями мчались на город. Дозорные на стене заметили их и криками привлекли внимание стражи внизу. Но пока стража пыталась закрыть тяжелые, дубовые ворота, окованные железом, половцы достигли цели и перебили стражников. Темным потоком растекались они по улицам, рассыпая вокруг нескончаемое море стрел. Находящиеся на улице люди не успевали укрыться в домах, наступленные вражьем копьём или саблей. Кто-то уже спохватился, и на головы врагов посыпались горшки, камни, засвистели стрелы. Половцы прямо на конях врывались в боярские хоромы, вламывались в дома горожан, загребая в переметные сумы все, что попадало под руки. Вытаскивали за косы молоденьких девушек на улицу, выгоняли ревущую скотину. Так же неожиданно они покинули город, ведя перед собой новых рабов и угнанных овец, лошадей, коров. Теперь надо было спешить в степь, ближе к своим. Богатая добыча замедляла продвижение, и по-этому приходилось делать вынужденные остановки в пути. К вечеру выбившиеся из сил пленные валились на землю, и Бадух решил сделать привал. Лагерь разбили на лесной опушке. К пленным приставили усиленную охрану, раздали немного сухих лепешек и воды из лесного ручейка.

Среди пленников выделялась своей нежной красотой русоволосая девушка. Было видно, что она не холопка, а дочь богатых родителей. Девушка обособленно сидела с краю и ни с кем не вела бесед. Предложенную лепешку она отдала ребенку, выпив лишь глоток воды. Русоволосая красавица сидела, бездумно глядя в сгущающиеся сумерки. Молодой воин, явно приближенный хана, бросал на пленницу огненные взгляды, но она не замечала его. С наступлением темноты, воин с поклоном обратился к хану. Тот сидел на кошке у костра, глядя в огонь.

– Выдели мне мою добычу сейчас, – попросил воин.

Бадух хмуро глянул на него. Но воин не отошел и стоял, опустив голову.

– Чего ты хочешь?

– Ту девушку, с длинными светлыми косами, с бледным лицом.

Хан согласно кивнул головой. Воин тихо удалился. Девушка, по имени Любава, сидела на земле и явно не понимала происходящего вокруг. Она была боярского рода, и был у нее суженый. Он служил в княжьей дружине и теперь находился с князем Радомиром далеко от родного города. Любава была уверена, что за нее привезут выкуп, рано или поздно. Или, вскорости,

возвратится князь с дружиною и освободит не только ее, но и всех, кого полонили сегодня. Ведь иначе и быть не может. Любава не заметила приблизившегося воина. От неожиданного прикосновения она вздрогнула. Тот схватил девушку за руку и тянул к себе. При этом он тыкал пальцем в ее сторону и в свою грудь. Любава не понимала, чего хочет этот молодой половчанин? Она оглядывалась в поисках помощи, но люди отводили от нее глаза. Воину надоело объяснять, что хозяин подарил ему эту добычу и он, сильно дернув девушку за руку, потащил упирающуюся жертву подальше в лес. Сидящие женщины, молча, вытирали навернувшиеся слезы, ведь их могла ожидать та же участь. Мужчины опускали глаза, полыхавшие ненавистью, да сжимали кулаки в бессильной злобе. Ни у кого из них в руках не было никакого оружия, а охрана не спускала глаз с пленников. Из леса послышались приглушенные крики и стоны. Через некоторое время все затихло. Ночь покрыла лес, выпустив на небо светлый месяц и мерцающие звезды. Они молча созерцали свернувшихся на голой остывшей земле несчастных и их бесстрастных стражников. Воины дремали, опершись на дровяные пик. Никто не поднял головы, когда молодой половец швырнул на землю свою жертву. Любава так и осталась лежать на голой земле, свернувшись комочком. Высоко вверху мигнула звезда, мигнула и ринулась вниз, словно не вынесла переживаний несчастной девушки.

Ранним утром, не успело еще взойти солнце, часовые будили полонян, пинками поднимая заспавшихся. Люди просыпались, поднимались на ноги и становились по двое. Воины гортанными окриками подгоняли их, подозрительно оглядывая: не убежала ли какая из жертв. Не обнаружив вчерашней девушки, половцы загалдели, размахивая руками. Некоторые из них кинулись в лес, пытаясь найти беглянку. Вскоре из леса послышались гортанные призывы молодого воина. Он обнаружил девушку. Та висела на молоденьком дубе, накиннув на его ветку веревку из разорванной нижней рубахи. Оставшиеся лоскуты, свисавшие с пояса девушки, были испачканы кровью. Половец отсек мечом ветку и девушка, словно пушинка, медленно опустилась на землю. Концом меча половец подхватил лоскут на теле девушки и прикрыл маленькую грудь.

Глава 5

На берегу озера заливалась свирель. В звуках ее слышалось, как поют по утрам соловьи в березовой роще, как ручеек несет свои прозрачные воды. Заливалась она весенним жаворонком в голубой небесной вышине, журчала чистым родником по мелким камушкам, шептала прибрежными камышами под легким утренним ветерком. Сидящий на земле паренек так увлекся, что не заметил, как легкая девичья рука тронула его за плечо. Обернулся, и лицо его расплылось в улыбке.

– А, это ты, Стеша... А я вот свирель новую вырезал, хочешь, и тебе смастерю?

Девушка засмеялась:

– Ты же знаешь, что не люблю я твою дудку.

– Поди, гусли веселей играют, – завистливо произнес парень.

– Веселей, а уж гусяр-то как пригож, – улыбалась девушка.

– Тебе гусяр приглянулся? – насупился парень.

– Отчего не должен он мне нравиться? – поддразнивала его девушка.

– Потому что мне ты любя. Рано или поздно моей женой будешь!

– Ой, Василько, ты для меня, как брат: мать нас одна молоком кормила, как можно думать об этом?

– Она только мне родная, а тебе – нет, значит можно, – не сдавался парень.

– Забудь ты об этом. Время придет, полюбишь еще кого-то. Ты в деревне парень не последний. Видела, как девки на тебя смотрят. А пока вот лепешку возьми. Мамо испекла, вкусная, ржаная. Девушка вытащила из-за пазухи лепешку и протянула ее парню. Парень стал молча есть, запивая водой из озера.

– Коровы не забредут в лес? – забеспокоилась девушка, поглядывая на отбившихся от стада коров.

Василь равнодушно щёлкнул плетеным кнутом, и коровы нехотя повернули назад.

Стеша заторопилась:

– Ладно, побегу я, а ты лучше приглядывай тут.

Она, подхватив подол юбки, быстро пошла по узкой тропинке, ведущей в лес. Парень, щелкая кнутом, заспешил в окрестные кусты, и оттуда послышались его грозные окрики. Девушка легкими шагами, словно и не шла, а плыла по тропинке, напевая только что слышанную мелодию свирели. На душе ее было светло и чисто. Она любила, любила первой любовью. И хоть один раз ее любимый принадлежал ей. Она знала, что князь женился на молодой боярышне, но душа ее была полна надежд. Душа верила, что он вернется. Конечно, так не бывает, чтобы князь полюбил холопку. И мать об этом говорила ей. Мать многое видит вперед. Вот увидела, что он приведет в дом жену. Но девушка и без того понимала, что никогда не будет жить в хоромах. А вот жить в сердце князя... Она верила, что князь никогда не сможет полюбить Милицу. Он должен любить ее! Иначе не может быть.

Глава 6

Князь Радомир с дружиною и домочадцами возвращался восвояси. Рядом с ним ехал брат Борил. Не близок путь до родного дома, потому и не спешили князья в дороге. Князь Василь распрощался с ними, поехал совсем в другую сторону. Повозка с женами и детьми уехала вперед, а князья, неспешно, вели свои разговоры. Борил рассказывал, какую дань нынче собрал. Князья сами ездили по своим уделам, собирая дань, как прежде делал их отец. Сетовал Борил, что владения его лежат совсем в глухом углу. Мало купцов заезжает туда, а уж про заморских, и думать не приходится. Приходится Евдокии заморские товары в других городах покупать. А это ведь дороже! Вот у брата Властимира, владения выгодно расположены. Речка рядом. Так и валят купцы в его город. Радомир бросил подозрительный взгляд на брата:

– Ужель завидуешь ты нашему молодшему? Так отец повелел. Слово отцово нерушимо.

– Нет зависти у меня к брату, но отец мог бы поделить иначе владения, чтобы не жил я на задворках, – поспешил оправдаться братец.

Борил замолчал, переживая, что и без того много сболтнул такого, что душу давно тяготило. Радомир же не особенно вникал в разговоры брата. Его душа томилась в предчувствиях. Чем ближе подъезжали к дому, тем муторнее было на душе. Ведь оставшаяся дружина, не могла дать отпора половцам, ежели те придут к стенам города большим войском. Братья попрощались у развилки дорог.

Борил, едва отъехал старший брат, поспешил догнать возок своей жены Евдокии. Он наклонился к ней и произнес:

– Радомир защищает младшего братца. Ни о каком переделе не может и речи быть. А уж с Василем и говорить не стоит. Тихоня этакий. Все бы им с Раиной книги заморские почитать, про новую веру. Надо самому думать, как с младшим-то обойтись. Отдал бы несколько своих деревень, что ближе к речке стоят, уж я бы построил пристань, да залучал купцов к себе. Тот текли бы денежки в казну. А то все ему – Властимиру!

– Не говори, – поддержала его жена, – ты для них так и не стал родным, особняком от тебя эти трое держатся. А у тебя другая кровь.

– Подожди, посмотрим, чья кровь сильнее, – зло пообещал Борил.

Евдокия смотрела на мужа с одобрением. Уж ей не знать ли, что жадный муженек рано или поздно осуществит свои планы. Бурлит в нем кровь инородная за все обиды, что братья в детстве причинили, за то, что отец младшего выделил... Да мало ли злости накопил он за прошедшие годы. И она жила в нем, затаясь до поры до времени.

Радомир подъезжал к деревеньке, разграбленной половцами. Предчувствия не обманули его. Навстречу выходили старики да немощные старухи. Они валились в придорожную пыль,

перед копытами княжьего коня, моля о защите, стелая о постигшем их горе. Половцы увели много молодых, пожгли посевы, как теперь зимовать? Где приют найти? Ведь хаты тоже большей частью сгорели. Не лучшая картина ожидала его и у стен города. Собравшиеся горожане с плачем встречали своего князя на площади. Проехав по улице, Радомир видел и сгоревшие дома, и поваленные ограды полисадов, и женщин, оплакивающих своих мужей. На площади простоволосая, растрепанная женщина упала перед ним ниц. Рыдания мешали ей говорить. Радомир с трудом признал боярыню Настасью. Одежда на ней висела грязными лохмотьями, волосы, свалывшимися куделями, загоразивали грязное лицо. Руки, некогда тонкие и белые, были теперь чернее ночи, в потеках не смытой сажи. Радомир слез с лошади и поднял боярыню на ноги.

– До-че-нь-ка, доченька, – рыдала боярыня.

Князь стал трясти ее за плечи. Сквозь толпу протискивался молодой, высокий воин из дружины князя. Он бросился к боярыне, видимо сразу признав ее. Женщина все так же рыдала, не в силах вымолвить ни слова. Из толпы вышел холоп и поклонился князю.

– Молви, – разрешил князь.

– Госпожа это моя. Половцы увели у нее дочь.

Боярыня, подтверждая слова слуги, согласно закивала головой.

Лицо молодого воина побелело. Он кинулся в ноги князю:

– Отпусти меня, княже, это же Любава моя. Отобью я ее.

Лицо Радомира мрачнело с каждым сказанным словом. Он хмуро глянул на своего дружинника:

– Один не одолеешь! Отряд их, говорят, велик. Надо посылать за братьями. Пусть явятся со дружинами на помощь.

Были посланы гонцы ко всем трем братьям.

Властимир с женою сидели за трапезой, когда дядька Назарий потревожил его:

– Беда, князюшка! Гонец от князя Радомира прискакал. Вести его к тебе?

– Да побыстрее! – велел Властимир.

Пригибаясь в низкой двери, в трапезную вошел весь запыленный с дороги гонец. Пот струился по его рябому лицу. Он в нерешительности остановился у порога, ожидая разрешения говорить.

Властимир махнул рукой, приглашая его сесть на лавку. Но гонец не стал садиться, а сразу стал говорить:

– Послал меня, князь, брат твой за помощью! Половцы напали на его владения. Много угнали людей да награбили много, скот у смердов угнали! Хочет князь проучить их. Да одному не под силу. Говорят, что ворогов тех несметно на город налетело. Вот и прислал князь просить подсобить ему. За другими братьями тоже послано.

Властимир, не думая ни минуты, уже звал дядьку, уже велел сзывать дружину, велел седлать коней да в дорогу отправляться, не мешкая.

Милица тревожно следила за сборами мужа. Она боялась за князя, но и останавливать его тоже боялась. Украдкой смахивала она не прошеные слезы, предательски набегавшие на глаза. Провожать мужа она вышла на крыльцо.

Князь, взлетел на своего боевого коня. Конь тот был черным, как смоль, а грива и длинный хвост, были пегие. Приближаться к нему, кроме конюха и князя, никто никогда не решался. Злой был конь. Фиолетовые глаза так и сверкали неудержимым огнем. Зато и предан был, в бою направо и налево кидался он на врага, стараясь укунить за шею да за плечи. Не раз выносил он раненого хозяина. Не подпускал к себе ни чужих, ни своих. Бил он мощными коваными копытами без разбора, кто бы ни приблизился. И лишь когда добежал до своего стана, останавливался около хозяйской палатки. И только старый княжий слуга, дядька Назарий мог

снять князя с огромной черной спины его. Властимир потрепал по холке коня, тот признавая хозяина, согласно кивал головой

– Ну что, Уголек, в поход! – Властимир дернул удила и впереди дружины выехал из города.

Собравшиеся братья держали совет, где теперь могут быть половцы. Дорог много, а вот по какой они передвигаются в данный момент? Стража показывала, что напал враг из леса, и ушли они в лес. Это было не характерно для половцев, хоть и нападали они внезапно, а уходили обычно в степи, где им были знакомы все балки и тропинки.

Решено было отправить отряд в лес.

Василь и его дружина поедут по степной дороге. Радомир же, с малою дружиною, будет охранять город. За это время враги могли уйти далеко и даже соединиться со своими соплеменниками, но зная коварство половцев, можно было ждать повторного нападения. С отрядом Властимира уходил и молодой воин Радомира по имени Юрий. Любава была его невестой, он рвался отбить ее у врага. Выезжали из ворот ранним прохладным утром. Начинаясь осень позолотила листву на деревьях, проредила их, и теперь можно было видеть далеко впереди. Следы многих коней все еще видны были на лесных тропинках. Эти следы петляли по лесу, выводили из него на проселочные дороги, потом опять петляли в лес. На третий день, следы вывели дружину на небольшую поляну на краю леса. Властимир отправил воинов осмотреть окрестности. Держа наготове оружие, дружинники углубились в лес. Через несколько минут из пожухлых кустов донесся тревожный призывающий крик. Властимир и несколько воинов бросились на зов. Первым к обнаженному девичьему телу подбежал Юрий. Он мгновенно узнал в обезображенном трупе свою невесту. Подойдя поближе, он поднял холодное тело на руки и накрыл его своим плащом.

Никто не услышал от него ни горестного слова, ни тяжелого упрека; ни звука не проронил воин. Тут же, вырубив кусты, молча рыл мечом могилу для своей невесты. От помощи он отказался, и теперь воины смотрели на своего друга, сочувствуя и переживая вместе с ним. Юрий уложил в могилу, завернутое в плащ тело и все присутствующие бросили по горсти земли. Двое воинов выкопали недалеко молодую березку и посадили в изголовье могилы. На Юрия, как будто нашло озарение. Не произнеся ни слова он покинул поляну и вскочив на коня направился по дороге из леса. Властимир, поняв, что воин найдет врага по наитию, велел отряду следовать за ним. И вскоре весь отряд выехал из леса. Воин не оглядываясь, словно не понимая, что он делает упрямо скакал вперед. Скакали весь день, почти не останавливаясь на отдых. К вечеру, обессиленные, уставшие воины валились с коней, так и не обнаружив врага. Разжигали костры и навешивали котелки на палки. Вскоре запахло упревшим варевом. Хлебали из одного котелка несколько человек. Неспешно текла беседа. Потом раскинув плащи, валились тут же на землю, мгновенно засыпая и чутко слыша все степные звуки. Но вокруг было спокойно. Стрекотали цикады, тихо шелестела трава под юркими телами ласок, выползших на охоту, пищали пойманные мыши, да вдали слышался вой одинокого волка, призывающего стаю.

Утренняя заря, окрасила степь бледно-розовым туманом. Восток окрасился оранжево-красным горизонтом.

– Ветер будет сильный, не иначе, – разминая члены со сна, – произнес пожилой усатый воин, разглядывая горизонт. Трапезничали вчерашними остатками и снова вскакивали на коней. Казалось, что степи не будет конца. Копыта лошадей топтали привядшую траву, сухие соцветия рпеев цеплялись к одежде к конским ногам, но привычные люди не замечали их. Степь, то стелилась прямая, словно столешница, то вдруг дыбилась небольшими холмами, то глубокие овраги пересекали ее, и надо было или объезжать их или спускаться в их глубины, поднимаясь потом по неровным склонам. К концу третьего дня дружина спустилась в огромную балку, объехать которую оказалось пустой тратой времени. Найдя более пологое место,

спускались вниз, располагаясь в заросшей низине. По дну балки бежала проворная мелкая речушка.

Выслали дозор и расположились на отдых. Не успели дружинники напиться холодной воды, как показался отряд, отправленный в дозор.

Властимиру сообщили, что видели вдаль несколько вражеских воинов, наверное тоже дозор. Заметили они дружинников или нет, трудно было определить. Дружинники были укрыты небольшим холмом. Оставалось только надеяться, что враг не подозревает о преследовании.

Глава 7

В стане Бадуха готовились к отдыху.

Пленных собрали в плотный круг, и они, тесно прижимаясь друг к другу, кто сидя, кто лежа, засыпали с невеселыми, тревожными мыслями. Каждый думал о предстоящей неволе, о далекой чужой стране, куда вели их эти узкоглазые воины. Отчаяние и непонимание читалось на лицах.

Ведь недавно все было иначе: была свобода, были семьи, были заботы.

А теперь: только неизвестность!

Охранники сидели и стояли вокруг пленных. Худой старый воин, устремив взгляд зорких глаз в степную тревожную темень, тянул нескончаемо заунывную песню. Пел воин о былых походах, о том, как на вырученные с добычи монеты, он купит много шелковых халатов. Ведь хан Бадух справедлив и щедр. Он выделит старому воину много рабов. Некоторые молодые воины, стояли на страже с закрытыми глазами. Целыми днями и ночами надо было стеречь добычу. Для сна оставалось не слишком много времени.

Старый воин восторженно, сквозь песню ему послышался топот многих конских копыт. Он тревожно прислушался, и тут же раздался его гортанный крик.

Затопали ноги, зазвенели мечи, воины вскидывались в седла, и вот уже несется половецкая конница навстречу росичам.

Отряд Властимира не смог подобраться незамеченным.

В ночи, освещенной лишь тусклой луной, да непроницаемыми звездами, завязался бой. Полетели стрелы навстречу росичам. Но те успели закрыться деревянными щитами, и теперь стрелы впивались в них, щетинясь оперением. Навстречу врагам блеснули обнаженные мечи, полетели остро заточенные копья.

Вот уже столкнулись две конницы, рубя на ходу врага направо и налево. И падали воины с коней, и убегали кони в степь, теряя своих хозяев.

По непонятным путям судьбы Юрий, в пылу сражения, столкнулся со своим обидчиком. Ни один из них не подозревал, какую роль играет в судьбе другого. Юрий, ослепленный своим горем, зарубил уже двоих врагов, когда перед ним возник молодой половец с хитрой улыбкой на узком лице. Он сходу проткнул росича копьем насквозь. Росич покачнувшись, но напрягая свое сильное тело, поразил приблизившегося врага мечом, снеся с плеч его голову. Оба воина упали под копыта коней.

Уголек, как леший, носился по полю, уворачиваясь от вражьего оружия, и пытался ухватить всадников за ноги или хватал за шею, упавших на землю.

Властимир успевал отбивать атаки увертливых половец и сам наносил меткие удары мечом. В темноте трудно было определить потери, трудно понять, кто кого одолевает. Кругом слышались крики росичей и вопли половец. То и дело вонзались мечи в человеческую плоть, заставляя падать замертво. Раненые, не обращая внимания на кровь, продолжали биться с врагами. Вопили сбившиеся кружком пленные, ревели коровы, разбежались по степи лошади.

Хан Бадух и Борил скрестили мечи в пылу драки. Оба были достойными противниками. Но Борил был моложе хана и вскоре перевес был на его стороне.

– Ты – знатный воин, – прокричал ему Бадух.

Борил понял, что хан хочет предложить ему что-то. Он подал коня назад и опустил меч. То же сделал и Бадух.

– Если отпустишь меня, выкуп пришлю, – хитро прищурился хан.

– Мне не нужно твое золото, – передохнувший Борил снова заносил меч над головой хана. Тот хитро прищурился, давая понять, что у него есть еще предложение.

Борил опустил меч:

– Ну!?

– Я ведь пригодиться тебе могу, бесстрашный князь, – лицо Бадуха лоснилось от пота, на губах змеилась понимающая улыбка.

Выражение лица хана поразило Борила. Тот словно угадал его тайные мысли. А что, может и пригодиться в будущем этот знатный половец в его коварных задумках?

Борил повернул коня и через плечо бросил:

– Беги!

«Найти его всегда успею», – подумал Борил, удаляясь.

Примирения в этом бою не могло быть. Победитель должен быть один. Устали руки, поднимающие мечи и опускающие их на вражьи головы. Устали враги, но, даже окруженные, не сдавались. Все мелькали мечи, стуком озаряя ночь, все падали тела убитых.

Наконец, половцам удалось пробить себе небольшую брешь и они, оцетинившись копьями, отступали в темноту. В росичей летели редкие стрелы, но было ясно, что бой выигран ими. Властимир не велел преследовать половцев в ночи: пленных удалось отбить, потери немалые среди дружины, и неизвестно, что подстерегает воинов впереди?

Борил не стал спорить. Он рассудил так, что вся ответственность за бой ляжет на брата. Ежели вернуться половцы, тот виноват будет, что отпустил их. Ежели не вернуться, так и отвечать не за что.

Снимали с плеч мужчин деревянные колоды, развязывали опухшие женские руки. Кормили, кто, чем мог. У кого-то лепешки ржаные завалились в суме, у кого яблоко румяное. Развели костры и заварили похлебку. Голодные люди жадно хлебали не доспевшее варево, пили привезенную воду. Бабы время от времени голосили, вспоминая нехорошими словами басурман. Угомонившись, наконец, выставили дозор и забылись в недолгом, беспокойном сне.

Утром поднявшиеся воины ходили по полю битвы. Немало полегло воинов с обеих сторон. Собрали своих раненых. Женщины промывали раны, рвали рубахи да перевязывали. Похоронили убитых, вырыв огромную яму. Убитых и раненых половцев оставили на поле. Властимир не велел добивать врагов.

Кто выживет да доберется до своих – его счастье. А добивать раненых – не прибавит доблести воинам, – остановил он свою дружину.

Борил опять не перечил, но своих дружинников, которые собирали на поле боя оружие, да обыскивали в поисках золота убитых, не останавливал. Через два дня достигли городских ворот. Встречали дружину с караваями на золотых блюдах. Раздетая толпа бежала по улицам, приветствуя князей Властимира и Борила. Радомир устроил пир в своих хоромах, угощая братьев и их славных воинов. Пировали целый день и всю ночь. Утром следующего дня уезжали домой, провожаемые все той же толпой.

Уже подъезжая к родному городу, Властимир вдруг почувствовал непонятную тоску в сердце. Вон и ворота до боли знакомые с детства видны. Так чего же потянуло его на проселочную дорогу? Остановился князь в раздумье.

Не захотелось ему в терем к молодой жене.

Хотелось князю в лес, под осокорь присесть да отдохнуть с дороги.

Бьет конь копытом кованым, не терпится коню на родную конюшню, где конюх почистит да овса отборного насыплет щедро.

Но князь дергает за узду, воротит коня на дорогу, ведущую в лес. Уголек зло трясет густой гривой: недоволен он прихотью хозяина. Не сговариваясь, за князем выстраивается отряд из близких воинов. Цепочкой двигаются они в направлении леса, потом поворачивают на еле приметную тропинку.

Вот уж и осокорь знакомый.

Облетают листья с него, застилают землю вокруг плотным желто-зеленым покрывалом. Суетится старый дядька Назарий, покрикивает на дружинников, что шатер ставят. Двоих из них он в лес отправил, чтобы зверушку какую поймали. Зайца или косулю, ежели повезет. Князь пировать да отдохнуть будет после битвы.

У городских ворот встречали возвращающуюся дружину, тревожно оглядывая въезжающих в ворота. Женщины бросались к стременам, найдя глазами своего родного мужа или сына. Дружина спешила на площади.

Слышны были бабьи вопли. Видно им сообщили о потере.

Обнимали возвратившихся, а те утешали родственников не возвратившихся дружинников. Постепенно народ растекался по домам, утихал шум на площади.

В одних домах пировали возвращение, в других голосили неутешные вдовы.

В княжьих хоромы томилась молодая княгиня.

Властимир не прибыл со своею ближайшей дружиною. Но княгине доложили, что он жив и даже не ранен. Милица не могла уразуметь, как мог князь не поспешить домой. Ведь она так ждала его, так переживала, так молилась! Ночей не спала, о нем думала.

Зачем ему этот лес?

Не выдержав, Милица побежала в покои няньки Проси. Та дремала, сидя на лавке.

Милица уткнулась ей в колени:

– Няня, отчего он не поспешил ко мне? Ты лучше его понимаешь, объясни мне! Как мне сделать так, чтобы он всегда рядом был?

– Их-х-х миленькая! Поживешь – попривыкнешь. Утрясется всё. А мужики, они дома не должны сидеть. Доля такая у них, воевать надо. А ежели дома будет сидеть возле тебя, так откуда же золото да серебро в сундуках водиться будут? Людишек опять же надо на земли сажать. Села– города закладывать.

Милица вытирала слезы. Нянька не утешила ее.

Глава 8

Властимир чутко прислушивался, сидя под осокорем. Сквозь редкие листья было видно корявые ветки, уходящие ввысь.

Князь долго рассматривал осокорь, подняв глаза. Разочарованный, он встал и направился к костру.

В лесу быстро темнело.

На вертеле жарилась молодая косуля, дразня запахом, исходящим от нее.

Уже расстелены были скатерти. Дружинники переговариваясь, сидели на расстеленных пополах, ожидая угощения. Из города привезли корчаги с хмельным медом.

Князь присел к столу, и слуги тут же принесли жаркое, стали наливать в подставленные кубки медовуху. Пили за одержанную победу, пили за князя: он хоть и молод, но воин смелый, да удачливый.

Андрей, сидя рядом с Властимиром, одобрительно отзывался о том, как князь поступил с половцами. Дружинники согласно кивали головами, поддерживая воеводу. Все были рады, что закончился поход благополучно.

Властимир слушал рассеянно. Он словно ждал кого-то.

И опять наливали медовуху, ели мясо, ломали высокие караваи, заботливо переданные нянькой. Хрустели румяные осенние яблоки, фиолетовый терн вязал языки. Нагулявшись, воины потянулись ко сну.

Не спалось только князю. Он сидел возле костра и смотрел в темноту.

И опять, как месяц назад, в кустах он увидел зеленый взгляд.

Князь попытался подняться на ноги, но темная тень, быстро метнулась в чащу.

Властимир направился к шатру, пора было укладываться спать. Он откинул полог и услышал тихий смешок. Освещаемая желтой луной, посреди шатра сидела девушка.

– Это ты, русалка!? – обрадовался князь, кинувшись перед ней на колени. Он взял ее за руки и потянул к себе.

– погоди князь! – рассмеялась девушка. – Не поил, не кормил гостью...

– Ты голодна? Так пойдем к столу! – Он потянул ее за собой.

Стеша не сопротивлялась. Они вышли из шатра и направились к застолью. На скатерти оставалось много еды, которую не успели еще убрать.

– Ты чего хочешь? – спросил князь.

Девушка ухватила кусок жареной косули, и ее белые зубы впились в сочное мясо. Властимир протянул ей кусок хлеба.

Ела она с удовольствием.

Князь, как замороженный, смотрел на нее.

– Зовут-то тебя как? – спросил князь.

Девушка засмеялась:

– Стеша я!

– У русалок тоже имена есть? – удивился Властимир.

– Да не русалка я! Не русалка. Ты не видел никогда настоящих русалок. – Стеша потянулась за яблоком, – а не хочешь ли ты, князь, познакомиться с ними?

Властимир недоверчиво смотрел на девушку:

– Нет никаких русалок! Тебе видно бабушка твоя сказки сказывала, а ты и поверила!

– А вот и есть! Возьми вот эту метелку полыни, да пойдем в лес. Русалки, они не любят запах полыни горькой, не подходят близко. Мама сказывала, что русалки были когда-то девушками. Любили они да только с любимыми разлучили их, вот с горя они и бросились в озеро. Еще мать говорит, что как только опускается такая девушка на дно, так сразу становится русалкой, хвост у нее вырастает, и уж не помнит она, что с ней раньше было. Только тоска остается сердечная, вот и тоскуют русалки на берегу да хлопцев молодых подзывают. А потом видят, что это не тот, о ком тоскуют, злятся очень. Щекочат парней до смерти да тащат в омут.

– Бабке твоей виднее. Она у тебя с нечистой силой, сказывают, хороводы водит, – усмехнулся Властимир.

– Неправда это! – вскинулась Стеша. – Мама всех лесных жителей знает. И они ее уважают. В лес свободно пропускают. Их понимать надо. Разговаривать с ними, тогда они не делают человеку никакой беды. Как можно говорить, что они нечистая сила? Они живут в подземном мире. А к нам приходят через ворота. Ворота те – речки да озера лесные. Потому и живут они к воде близко. А как беду чуют близкую, так и уходят вниз, через ключи, что со дна бьют в речках да прудах. Вот познакомлю тебя с ними. Далеко, в чаще, Дух живет. Туда никто не ходит – боятся его люди. Да напрасно – он безвредный, строгий только, любит во всем порядок.

– Ну что ж веди!

Девушка взяла князя за руку, и они углубились в лес.

Тропинка, расступаясь перед ними, петляла между огромными деревьями.

А деревья поднимали толстые ветки, чтобы не задеть ночных посетителей.

Озеро тихо накатывало мелкие волны к пологому берегу, доверяя ему свои тайны.

Тропинка пробежала по краю берега и затерялась в лесной мураве.

Князь споткнулся о прибрежную кочку.

– Неловок ты, князь. У сапог носы острые, вот и задеваешь за траву. В лаптях удобнее по лесу бегать. А летом – так босиком благодать. По ранней росе пробежишься и здоров целый год. А еще мама велит на утренней зорьке в росе купаться. Говорит, что век красота да молодость сохраняются от влаги утренней.

– Ты, видать, так и делаешь? – усмехнулся Властимир.

– Конечно, – не почувствовала в его голосе девушка насмешки, – роса по утрам холодная!... Зато потом целый день усталости не чувствуешь!

– Посмотрим, какая ты в старости будешь! – уже не скрывал своего веселья князь. Ему было легко с ней.

Тропинка казалась широкой дорогой, а луна светила ярче солнца. И не было уже недавнего боя, где он потерял многих своих дружинников, не было душного терема, где ждала его молодая жена. Была только эта тоненькая, гибкая девушка, так похожая на тростинку. Они дошли до конца озера и остановились.

– Дальше болото, не проходимо оно, – пояснила девушка, – туда никто не ходит. А на другой стороне, как раз, живет Дух. Его позвать надо.

– Где ты? – крикнула она, приложив ладонь к губам.

– Где ты? – послышался настороженный голос из лесной чащи на другом берегу.

– Я здесь! Я – Стеша, – крикнула девушка.

– Я здесь, – глухо раздалось в ответ.

– Со мной князь! – сообщила Стеша

– Князь? – недоверчиво переспросили из чащи.

– Поздоровайся с ним! – предложила Стеша Властимиру.

Тот приложил руку ко рту и закричал, зычно разрывая лесной покой:

– Эгей, я – князь Властимир!

В ответ промолчали.

– Ну вот, ты его напугал! – разочарованно произнесла Стеша, – он теперь и со мной говорить не станет.

– Привередлив Дух твой, – в словах князя опять слышалась недоверчивая усмешка.

– Затаился! Пусть себе отдыхает, а мы дальше по болоту пойдем. Там кикимора живет!

– Кикимора? Ну, у тебя и знакомые...

– Она может и не показаться: от Духа теперь узнала, что ты грозный и не выйдет к нам! – укорила его Стеша.

Она прыгнула на кочку, потом, на другую.

– И ты по кочкам прыгай, – обернулась Стеша, – иначе нельзя: топь вокруг.

Властимир, дивясь самому себя, все-таки запрыгал с кочки на кочку.

Цепочка зеленых кочек завела их вглубь зеленого болота, повернула к деревьям, росшим прямо в болоте и образующим небольшую полянку из низкорослых березок да сосенок.

Стеша прыгнула с кочки на изумрудную траву на поляне, и Властимир последовал за ней. Он устало присел под березкой.

– Акулька, выйди ко мне! У меня лепешка для тебя припасена!

Дребезжащий смешок послышался из-за ближайшей хилой сосенки.

– Не стесняйся! Князь – мой друг, не обидит тебя! – ласково говорила Стеша в пустоту.

Властимир оглядывался по сторонам, стараясь разглядеть в лунном свете небывальщину.

Недоверчивый смешок послышался над головой князя, и от березки, около которой он сидел, отделилась непонятная фигура. Князь разглядывал пришельицу.

Росту небольшого, одета в березовую хламиду, на голове торчащие во все стороны кудельки из тонких веточек. Сложив руки перед собой и потупив глаза, Акулька, заплетая ногу за ногу, подошла к Стеше:

– Давай гостинец-то! – жеманясь, протянула она руку.

Стеша вытащила из-за пазухи краюху хлеба и вложила в длинные костлявые пальцы-сучки. Акулька быстро сжала руку, словно боялась, что хлеб отберут.

Князь сидел тихо, не доверяя своим очам.

– Не забижают тебя? – участливо спросила Стеша.

– Уж и не говори! – изогнулась Акулька, – Леший все балует! Как зачнет филином ухать, так страшно, так страшно! А ему хоть бы хны, все хохочет! – лицо Акульки плаксиво задрожало.

– Ну, Акулька! – упрекнула ее Стеша, – обещалась же мне ты: не бояться!

– Не буду, не буду! – зачастила Акулька, снова заискивающе улыбалась. – Так пойду я!

Она отступила на шаг назад и словно растворилась в березке.

Князь беспомощно оглядывался вокруг, пытаясь понять, куда сгинула Акулька.

Стеша засмеялась:

– Не ищи! Она приходит незаметно и уходит так же. На сегодня хватит тебе знакомств.

Пора и почивать тебе, князь! Идем, отведу тебя к шатру.

– А ты? Ты ведь не исчезнешь?

– Идем! Я отведу тебя к осокору, – взяла его за руку Стеша.

Они снова прыгали в лунном свете по кочкам. Тропинка повела опять мимо озера.

– Теперь возьми в руки полынь, князь! – предупредила Стеша.

Властимир, не успев спросить, зачем нужна полынь, увидел, как из воды, недалеко от берега, вынырнула девушка со светлыми волосами, переливающимися зеленовато-желтыми оттенками под матовым лунным блеском. Она вынырнула и усевшись на нахлынувшую волну, поглядела в его сторону. Рыбий хвост служил ей вместо ног. Изогнув его, она спокойно плескалась в невысоких волнах.

– Иди ко мне, князь, – сладко звучал ее голос в ночи. Этот голос, наполненный ласковой негой, усыплял разум.

Властимиру захотелось кинуться в ее объятия.

Стеша выхватила веточку полыни и растерла ее в руках.

Горько–терпкий запах понесся над озером.

Русалка недовольно поморщилась:

– Погоди же! Мерзкая ты девчонка! – Она шевельнула хвостом и плавно ушла под воду.

Очнувшись от бреда, Властимир, чуть ли не бегом, последовал за недовольной Стешей.

Они быстро вышли на поляну, где стоял осокорь. Спутанные кони, зафыркали, учуяв пришедших. Властимир позвал Уголька и тот тихо заржал в ответ, признавая хозяина.

– Вот и пришли мы! – Стеша явно собиралась уходить.

Властимир ухватил ее за руку:

– Останься!

Она недоверчиво подняла на него глаза:

– Ты правда хочешь, чтобы не уходила я?

– Правда! – князь притянул ее к себе.

Стеша обвила руками его шею, а он жадными губами впился в ее губы. Властимир, словно былинку, подхватил на руки покорное тело девушки и понес в шатер. Не отпуская, он целовал ее и снимал одежду с нее и с себя.

– Русалка ты моя лесная! – шептали его губы, целуя ее загоревшиеся щеки, нежную шею, опускаясь ниже к ямке у основания шеи.

Стеша отвечала на его поцелуи не менее страстно, держа в руках лицо Властимира, и покрывая его горячими поцелуями. Он, не в силах сдерживать себя, обхватил губами маленькую грудь и тут же, перевернувшись на нее, коленом раздвигал ее ноги. Она теснее прижималась к нему, в желании соединиться с ним. Ее руки ласкали его плечи, как ласточки мечась по его напрягшемуся телу. Наконец, он застонал и откинулся на подушку.левой рукой он

приподнял ее бессильно поникшую голову и положил себе на грудь. Растрепавшиеся волосы щекотали бороду, а он, не замечая ничего вокруг, гладил ее плечо и шею. Вдруг он почувствовал, как по ее щеке медленно сползает слезинка.

– Ты что? – он тревожно приподнялся на локте, – я обидел тебя?

– Нет! Просто мне никогда не было так хорошо.

– Русалка ты моя! – он нежно гладил ее пушистые волосы.

– Я не русалка! – она встрепенулась в его руках.

– Хорошо, хорошо, – улыбнулся князь, – ты напоминаешь мне тростинку. Буду звать тростинкой.

– Зови! – она счастливо улыбалась в темноте.

– Я хотел спросить тебя... – неуверенно произнес Властимир.

– О чем?

– Почему тогда летом, ты осталась в шатре? Ты же могла уйти?

– Не могла! Я давно люблю тебя, князь. С тех пор, как впервые увидела под осокорем.

Не знаю, сколько весен прошло с тех пор. Но тогда весна была. Ты приехал на белом коне. Раньше я видела только твоих братьев да отца, когда они приезжали за данью в деревню. Они не такие, как ты. Ты добрый...

Властимир теснее прижимал ее к себе. Стеша гладила его грудь, проводя пальцами по расслабленным мышцам. Под правым соском, она нащупала неровный бугорок.

– Это чего? – ее пальцы ощупывали тугой продолговатый шрам.

– Рана старая. Не болит уже.

Стеша ласково прижала губы к шраму.

Властимир не выдержал, опрокинул ее на спину и, наклонившись к ней, стал целовать ее покорные губы.

Поздним утром князь Властимир с небольшим отрядом въезжал в город. Встречали их немногие прохожие на улице. Въехав на подворье, Властимир соскочил с коня, бросив удила на руки старому конюшему. Бодрым шагом последовал в покои.

– Баню топите! – послышался его голос из опочивальни. – Эй, Назарий, неси рубаху на смену!

Холопы бросились выполнять приказание князя. Дядька Назарий на протянутых руках внес чистую рубаху.

Милица вошла в опочивальню и, вспыхнув, отвернула лицо. Властимир стоял обнаженный по пояс, а Назарий протягивал ему рубаху.

Не замечая, жены, Властимир через голову натянул рубаху, подпоясался серебряным, наборным ремешком. Слуга кинулся оправлять складки на поясе.

Милица подошла и протянула мужу гребень. Он небрежно взял его и стал чесать светлые волосы. Милица украдкой любовалась мужем. И лицом красив, и статью пригож. Только не нашлось у князя слов примолвить жену молодую, только не потянулась рука приглубить хоть мимолетом. Милица улыбалась мужу, а слезы обливали сердце внутри, застилали глаза. Она отвернулась и тихо вышла.

Властимир не заметил ее исчезновения, он расспрашивал холопа о делах домашних, о хозяйстве.

И тот обстоятельно пересказывал все произошедшее в отсутствие князя.

Глава 9

Наступил октябрь, в народе прозванный грязник. Принес с собой семь погод. С утра дождик сеет-веет, ветер по лесу ревет, вершины деревьев туда-сюда мотает. То снег зарядит, закрутит белыми хлопьями, замечает тропки да дорожки. К вечеру, глядишь, опять грязь развезет дождем мелким, противным. Ветры в начале месяца дуют Астафьевы: ежели северный – к

стуже, южный – тепло долго продержится, коли западный – к дождям, а коль с востока задует – к ясной погоде.

На Сергия-именинника капусту рубили, до Покрова хаты утепляли: завалинки приваливали, пазы конопатили, чтобы тепло зимой держалось.

А еще октябрь на Руси свадебником зовут. Урожай убран, хлеб в амбарах, пора свадьбы играть, покрывать девок платками. На то он и Покров – после свадьбы замужняя женщина никогда не выйдет на улицу без платка. В деревне играли свадьбы во многих хатах.

В лесной избушке посреди хаты, на земляном полу, тлел очаг. За дверью шумел ветер, приносил на своих крыльях то холодный дождь, то мелкий снег, тут же таявший и превращавший тропки в непроходимое месиво. В такую погоду люди все больше по домам сидят, никому не охота мокнуть да мерзнуть в лесу или на проселочной дороге.

В избушке гостей не ждали.

На раскиданной на полу соломе сидела Стеша, помешивая варево в котелке, висящем над очагом. Дверь резко распахнулась, и порог переступил молодой парень. Он весело стянул с головы потрепанную, мокрую шапку и отвесил поклон:

– Спокойно ли ночевали?

– Проходи, – улыбнулась Стеша, – сейчас похлебка дойдет. Ты не ел, поди?

– Как не поесть перед дорогой? К вам по непогоде голодным ноги не дотянешь.

Стеша снова улыбнулась:

– Тебе, видно, непогода не мешает по лесу шастать. Дела ли в нашей стороне у тебя нашлись? Иль безделье справляешь?

– В деревне свадьбы играют..., – Василь многозначительно помолчал.

Молчала и Стеша.

– Вот и нам бы пожениться! Охота тебе в лесу с ведьмой жить?!

– Мамо – не ведьма! Ты и сам не веришь тому, что в деревне о ней говорят, – глаза Стеши непримиримо блеснули.

Она налила похлебку в деревянную миску и подала Василию. С полки Стеша достала деревянные ложки и, сидя на полу, они ели из одной миски.

– Как в детстве, – улыбнулась Стеша, подавая Василию ломоть хлеба. – А помнишь, ты всегда самое вкусное мне отдавал?

Василь согласно закивал головой.

Они, молча, доели похлебку, и Стеша, вымыв миску, поставила ее на висевшую на стене закопченную полку.

– Ты, Василь, для меня так и останешься молочным братом. Ну, какой из тебя жених? – засмеялась Стеша, потрепав парня за непокорно торчащий чуб.

– Летом я сам пастухом буду. Люди будут мне платить. Заживем не хуже других! А, Стеш? – он за руку притянул ее к своей груди и преданно заглядывал в глаза, пытаясь прочесть в них хоть маленькую надежду.

Но Стеша отпихнула его:

– И не мечтай, Василько! Другой в душе у меня!

– Гусляр из княжьей дружины! Я думал – ты выбросила его из головы! Что-то не особо он к тебе спешит? Думаешь, коня по грязи не хочет маять? Если любит, так и грязь не помеха! Я к тебе пешком пришел...

Стеша отвернулась, стараясь скрыть набежавшие слезы. Василько прав! Князь давно не появлялся в лесу. Она, не смотря на непогоду, все ходила к осокору, все ждала его. Снег, дождь и ветер не могли прогнать ее. А он так ни разу и не приехал. Может, княгиня молодая опутала его своими чарами? Тешится теперь князь с женою, а о тростинке, что в лесу живет, забыл, поди, давно. Мечется душа девичья, от каждого стука трепещет, все ждет: вот появится князь,

снова будет Стеша целовать его, кудри светлые перебирать, а он речи сладкие опять говорить ей будет.

Долго ли, коротко ли поливала осень дождями землю, а зима пришла неожиданно. Сразу снегом занесла города да деревушки русские. Перемела дороги широкие, тропинки лесные, покрыла поля покрывалом светлым, на солнышке переливающимся разноцветными огоньками, словно самоцветами изукрасила. Реки сковала льдом, синим толстым, не видать под ним воды быстрой. Редко на дороге всадники появляются, мороз заставляет народ домоседничать. Заставляет, да видно не всех.

Глава 10

Князь Властимир, не смотря на трескучий мороз, третий день охотился в окрестных лесах с приближенными дружинниками да боярами. Лица их побагровели и обветрили от стужи, на усах и бородах висели белые сосульки. Отдирать их приходилось вместе с волосами, болезненно морщась до появления слез на глазах.

Много дичины было набито да домой отправлено за эти дни. Можно было бы восвоеси повернуть, дать прийти в себя потревоженным лесным жителям. Но азарт не давал князю спокойно покинуть лес.

Еще с начала охоты заметили холопы матерую волчицу. Она одиноко мелькала среди лесной чащи, то появляясь на прогалинах, то внезапно исчезая среди стусившихся деревьев. Словно не замечая вооруженных копьями и луками людей, не боясь псов, что рвались с поводков, еле удерживаемые холопами, она медленной рысью удалялась от охотников. Поведение волчицы раззадорило князя. Не смотря на возы с косулями, зайцами, лисам, белками, да куньцами и прочей лесной живностью, князь охоты не прекращал. Он загнал уже одного коня, но пересев на другого, плеткой гнал его в глубокие сугробы. Дружинники, не переча князю, следовали за ним.

Волчица уводила людей все дальше в лес.

Первым не выдержал бесполезной погони холоп из деревни, постоянно сопровождающий князя в его лесных походах. Холоп знал все чащи, потайные дорожки и тропки лесные. А еще холоп знал все деревенские байки да сказки. Он то и остудил княжий пыл.

– Не достать нам ее, княже. В бирючью лощину она уводит нас. Баят: логово ее там. Зимой человеку не добраться туда. Там и летом прохода нет, завалено сухостоем кругом. Никто не ходит в ту лощину. Бояться люди. Баят: волчица – не волчица вовсе, оборотень она.

Властимир свысока посмотрел на холопа:

– Сказки это. Язычников в деревне множество. Надо книги читать греческие, там о вере новой пишут. Вы же все пням молитесь! Крещение приняли, а Перуну подношения приносите в дубовой роще.

– Не спеши судить людей, княже, – с достоинством произнес холоп, – лучше послушай, что они сказывают...

Властимир, уставший от погони, заинтересовавшись рассказом, велел спешиться и развести костры.

– Жарьте косулю, попоны стелите, – приказал он, – медовуху несите, послушаем холопа.

Дружина нехотя спешивала коней. Холопы несли срубленные сучья и пахнущие смолой сосновые лапы. Вскоре костер весело полыхал, согревая теплом бородатых охотников. Уже оттаивали замерзшие бороды, веселее блестели уставшие глаза в преддверии наливаемой в походные кубки медовухи. От костра потянуло сладким запахом жареной косули. Расслабившиеся дружинники садились на седла, брошенные на снег, и постеленные попоны, собираясь пировать, да сказки слушать.

Обстановка располагала к повествованию, и князь жестом велел холопу начинать. Тот с достоинством огладил бороду и оглядел всех собравшихся, как бы желая убедиться, что все внимают его рассказу.

– Давно то было... Не так давно, чтобы сказкой это стало. Живы еще те, с кем случилось то, о чем баять буду.

Слушатели недоверчиво переглянулись, но рассказчику перечить никто не стал. Князь промолчал, ничем не выдавая своих чувств. Верил он или нет?

– Немало воды утекло с тех пор, – рассказчик приподнял шапку да почесал макушку, припоминая давние события, – случилось то с женщиной, что в лесу живет. Она всегда там жила, сколь помню я, – он опять отвлекся и оглядел сидящих вокруг костра. В глазах его промелькнуло что-то отчужденное, словно он памятью перенесся в то время, о котором повествовал. – Была у нее дочь. Девка красоты неопишуемой. Сохли по ней парни деревенские, – вздохнул он, – а приезжие, которые впервой ее видели, чуть ума не лишились от вида ее.

– Ты тоже хотел жениться на ней? – ехидно заметил Андрей.

Холоп стянул шапку и раздумчиво покачал седой кудрявой головой:

– Хотел! Как не хотеть? Среди подруг она выделялась. Только и смотрели на нее, других не замечали...

– Так подруги и извели ее из зависти? – подал голос гусяр.

– Нет. Подруги завидовали, да что тут поделаешь? Мирились в деревне с ее красотой. Да она на парней смотрела равнодушно. Не трогал никто ее сердце.

– Так чего же случилось? – поторопил рассказ холопа Властимир.

– Случилось! Воевода местный заприметил ее. С той поры не давал ей прохода. Куда она идет, он навстречь ей. Обещал выкупить ее у батюшки вашего. Да только не соглашалась она.

– Вот девка блажная! – не выдержал Андрей, – Жила бы в тереме, нужды не знала!

Холоп осуждающе посмотрел на воеводу: видно не понять тебе, господин, простых людей.

Рассказ холопа, по непонятным причинам, заставил сердце князя забиться чаще. Он осуждающим взглядом остановил Андрея, попытавшегося прикрикнуть на мужика.

Холоп продолжал:

– Пошли как-то девки по ягоды в лес. Разбрелись кто куда. А воевода следить велел за каждым шагом девушки той. Донесли ему, что ягоды она собирает. Он, как тать, за ней в лес прошмыгнул. Потом рассказывал воевода, что девку он силой взял на поляне той. А когда встала она с земли, будто поглядела на него с ненавистью, да сказала: «Не будет тебе удачи, воевода.» Тут же о землю ударилась и обернулась волчицей. Сказывал воевода, что на послед оглянулась на него волчица, а глаза-то у нее зеленые-презеленые, как листья на деревьях. С тех пор встречают в лесах местных волчицу с зелеными глазами. Сколь ни охотятся на нее, никто не смог даже ранить. Не уловимая она!

Среди дружинников раздался ропот:

«...таких сказок много слыхивали. Об оборотнях! В любой деревне: то медведь мужиком оборачивается и к бабе под бочок ночью ложится, то бабы оборачиваются кошками да по ночам коров доят. Не удивил ты. Да и девок воеводы берут к себе, а как надоест, так в деревню с приплодом привозят. Не все девки такие неподатливые!»

– Сказка моя еще не кончилась, – с достоинством повысил голос холоп, – вот дослушайте до конца. Пропала с тех пор дочь у колдуньи. Осталась она одна. Забывать стали люди о том, что случилось летом. А следующей весной колдунья среди ночи проснулась от писка детского. Сразу и не поняла; думала: кошка лесная забрела к ней. Двери открыла, а на пороге дите, еле в тряпки завернутое. Словно котенок мяучит. Колдунья, женщина добрая, взяла то дите в дом. А когда разглядела: глаза-то у дитя – как у дочери ее пропавшей – зеленые, словно листья. Выкормила девочку женщина из деревни. У нее малец свой был. Только в деревне не любят ту девчонку, уж больно она напоминает пропавшую девушку.

– Она колдунья, девчонка та? Почто не любят ее?

– Говорят, она и есть волчица лесная. Днем будто девкой оборачивается, а ночью волчицей. Знаете вы ее!

Дружинники переглянулись.

– Девчонка, что летом на дереве сидела. Думали вы: русалка она. В деревне ее зовут «волчьей дочерью». А терпят только потому, что бабка лечит деревенских травами да наговорами.

– А воевода не тот, которого много лет назад волки в лесу загрызли? – спросил седой дружинник, видимо слышавший раньше эту историю.

– Он самый! Аккурат после того, как колдунья девочку приютила, стали примечать стаю волчью в лесу. Все кружат поблизости, не бояться, вроде, волки. Сколь свиней, овец порезали. А однажды нашли в лесу воеводу. Не его самого, а кости обглоданные. Человечьи да лошадиные. По одежке и определили, что воевода был. Вот, князь, верь теперь иль не верь, воля твоя. Только не гонись ты за волчицей. Послушай ты старого холопа.

Властимир сидел молча. В голове его мелькали картины лета. Он совсем забыл о лесовинке. А ведь он назвал ее тростинкой. Дела княжеские отодвинули образ девушки вглубь сознания, и он еще ни разу не всплыл, не напомнил о себе. А вот, поди ж ты! Оказывается она, чуть ли не дочь волчицы. Властимир не верил, что у волчицы, пусть даже оборотня, может родиться человеческий ребенок.

«И все-таки есть в ней какая-то тайна, – думал князь, – не напоминает она деревенских девок. Может оттого, что не делает работы деревенской, как другие? Или оттого, что с кикиморами знается». Князю припомнилась кикимора Акулька. Он усмехнулся своим мыслям: поверил в русалок да кикимор! Просто девка морок навела на хмельного. Научила ее старая колдунья видения на людей напускать. Умеют они это...

Князь тряхнул головой, отгоняя от себя воспоминания:

– Ну что, удалыцы? Навел скуку на вас холоп? Хватит! Пусть зверюшки поуспокоятся. Айда домой! Пировать будем!

Глава 11

Милица сидела у окна, с грустью поглядывая на пустой двор. Властимир рыскает по лесам уже три дня. Прислал убитого зверья. И теперь холопы снимают шкуры во внутреннем дворе. В хоромах суета, беготня; дивятся на здоровенного лося, убитого князем. А сам он словно забыл, что в тереме живая душа томится. Скучно молодой княгине, грустно одной – покинутой всеми. Даже старая нянька, шаркая истоптанными чириками, ушла смотреть на животину. Как же – любимое чадо поохотился!

Милица не захотела вместе со всеми идти на улицу, ей жалко было лесных жителей. Вдруг она услышала далекий топот лошадиных копыт. Топот приближался к терему, становясь все отчетливее. И вот уже множество всадников показалось на широкой улице, ведущей к княжьему подворью. Гулко стучали копыта по замерзшей накатанной дороге. Всадники, спешившись во дворе, спрыгивали с лошадей. Милица не выдержала и бросилась в сени, потом выбежала на красное крыльцо встречать мужа. Щеки ее загорелись, когда она увидела въехавшего во двор Властимира. Она вся так и подалась навстречу ему.

Но Властимир жестом остановил жену. Несколькими шагами он одолел ступени и поцеловал ее в лоб. Милица хотела прижаться к мужнину плечу, но тот отстранил ее:

– Вели баню топить! Промерзли мужики в лесу. Славно поохотились, славно попариться надо! Вели пир готовить! Душа гулять хочет. Позови дураков, пусть потешат. Зови гудошников, пусть в рожки сыграют.

Он оглянулся, отыскивая взглядом гусяра.

– Эй, Млад, парься в бане лучше, на пиру петь будешь!

Князь сгреб в охапку подошедшую няньку и так и втащил ее в сени.

Милица медленно пошла за ними. Дружинники отдавали удила в руки конюших: те, набрасывая на лошадей попоны, вели их в конюшни. Заиндевелившие от холода дружинники

поспешали за князем в теплые сени. Не спешил, лишь Млад. Опустив кудрявую голову, он, нехотя, ступил на крыльцо.

В жарко натопленной бане дружинники расселись по широким лавкам и березовыми вениками стегали друг друга по мокрым широким спинам, изукрашенным старыми рубцами. Андрей отмачивал веник в деревянной лоханке и, усмехаясь, посматривал на друга, лежащего вдоль лавки.

– Приготовился, княже? Выбью из тебя весь холод лесной! Ночью жарко придется Милице, – усмехался он.

Мокрый веник опустил на мокрую, распаренную, спину, оставляя на ней красные следы.

– Ну что, княже, жарко тебе? – щерился Андрей, снова и снова опуская веник из дубовых листьев. Властимир кряхтел от хлестких ударов, ворочал плечами, и, наконец, не выдержав, соскочил с лавки и кинулся отбирать веник у друга. Андрей обежал вокруг лавки, не собираясь так просто сдаваться. Властимир, сделав вид, что утомился от бесполезной беготни, уселся на лавку, черпачком стал поливать на себя воду.

– Мир, княже? – Андрей миролюбиво протянул ему руку.

Князь ухватил ее и потянул друга на себя. Подоспевший дружинник подпихнул Андрея, и тот уткнулся лицом в лавку. Бородатые дружинники, молча усмехаясь, созерцали небольшую потасовку.

На то он и близкий друг, чтобы вот так запросто с князем.

Властимир, не жалея чужой спины, стегал веником вдоль и поперек, приговаривая:

– Широка ты, друже; есть, где венику разгуляться.

Андрей, свесив с лавки кудлатую голову, щурился от удовольствия:

– Ты, князь, не части, по всей спинушке-то пройдишься да пониже тож!

Дружинники засмеялись шутке Андрея.

Властимир бросил веник:

– У тебя кожа, что у лося того. Пусть еще кто потешится на твоей спине.

Он сел и стал лить ковшом на себя воду.

– Эх, може кто разомнет спинушку мою? – призывно взмахнул веником Андрей. Желающих не нашлось, и он сам замахал дубовыми листьями, смачно охаживая и без того красное тело. Оттаявшие от лесной стужи, раскрасневшиеся, дружинники потягивали квас, принесенный в баню. Неспешно потекли воспоминания, как совсем недавно гоняли по лесу дичь; каждый хвастал, сколько набил зверья.

Лишь Млад отчужденно сидел в стороне, не принимая участия в разговорах. Голова его понуро повисла на грудь, и было видно, что одолели его думы невеселье.

– Эй, Млад, тебя, поди, прихватило морозцем в лесу? – пошутил его сосед.

Млад не отозвался на шутку.

– Ничего, выпьет медовухи, повеселеет, – отозвался седой дружинник.

Распаренные, в чистой одежде, чинно рассаживались дружинники за столы. Холопы сновали из поварни в хоромы, внося перемены угощений.

Дядька Назарий сам наливал в кубок князя, никому не доверяя эту честь.

Властимир поднялся с места и, подняв в руке кубок, похвалил дружинников славно поохотившихся в лесу. Довольные дружинники восславили своего молодого вождя, дружно сдвинув кубки и ударяя их друг о друга так, что вино выплескивалось через края и орошало покрывавшие стол скатерти. Разломали караваи ржаного хлеба и потянулись к яствам, разложенным на столах.

Захмелевший Властимир подозвал Назария:

– Я велел дуракам быть!

– Здесь они, князь. Эй, удалыцы, потешьте князя! – крикнул Назарий.

В низкие двери, кланяясь во все стороны, вбежали два коротконогих и большеголовых человечка. На головах у них напялены шапки, шитые из бобровых шкурок, с пришитыми к ним колокольцами. Дураки махали головами, колокольцы беспрерывно весело звенели, вызывая улыбки на бородатых лицах дружинников.

– Чем потешите, добры молодцы? – улыбнулся князь.

Злой огонек промелькнул в глазах одного из пришедших:

– Сказку говорить будем.

– Веселю! – подхватил другой дурак.

– Один кесарь заморский все по лесам гонял за зверьем, – хитро прищурился первый дурак. – А дома жена красавица кручинилась, томилась! – поддержал его второй, – все ждала, когда же муж поглядит на нее!

– А муж, ну никак не замечает суженую.

– А вот дружинник молодой глаз не сводит с кесаревой то жены! – подмигнул первый дурак.

– Пошли вон! – не выдержал намеков Властимир, – нашли сказку! Зовите холопов, пусть в рожки дуют!

Лицо князя покраснело, уж слишком явным был намек на его семейную жизнь. Ишь чего себе позволяют! Он велел холопу драть дураков на конюшне, чтобы впредь сказки веселее придумывали. В хоромы ввели рожечников. Пожилой подвижный мужчина вытащил из-за пазухи рожок и поднес его к губам. Его напарник, молодой парень, пригладил волосы и с неприязнью поглядел на гусяра. Пожилой кивнул, молодой подхватил мелодию, и рассыпалась веселыми трелями музыка по хоромам. Бородачи за столом закивали головами в такт рожкам, прихлопывали в ладони, ободряя музыкантов. Те старались вовсю, аж вспотели. Наконец устали и слушатели, и сами музыканты.

Князь велел прекратить игру:

– Поднесите им кубок, пусть выпьют.

Назарий кинулся выполнять приказание князя.

Пожилой холоп пил медленно, смакуя каждый глоток. Не часто с княжьего стола кубки подносят.

Назарий протянул ему краюху хлеба.

Холоп отломил кусочек, а остальное засунул за пазуху. Он низко поклонился князю: –

Благодарим тебя, батюшка.

Назарий вытолкал их в сени.

Уже при выходе из терема гудошников настигла Милица. Она протянула им серебряную монетку. Холопы в два голоса поблагодарили ее. Милица долго смотрела им вслед, как брели эти двое по снежной дороге, переметаемой начинающейся поземкой. Путь их не близок до деревни.

Захмелевший Властимир велел петь Младу. Тот запел чистым звонким голосом песню задорную да удалую – про молодого князя и его верную дружину.

Мужчины за столом подтягивали, поддерживая певца.

Не одну песню пропел Млад. Много знал он песен. Мог петь всю ночь напролет.

Но сидевшие за столом стали клевать носами. То ли жаркая баня разморила дружинников, то ли песни укачали бородатых, только потянулись они из-за стола ближе к постелям. Тыкались носами во взбитые лебяжьи подушки и мгновенно засыпали. Храп разносился по князьему терему.

Назарий, осуждающе бормоча себе под нос, помогал князю выбраться из-за стола.

Закинув руку Властимира себе на шею, Назарий повел его в опочивальню. Опрокинув князя на постель, Назарий стягивал с него сапоги, помог стянуть одежду.

Блаженно улыбаясь, князь обнимал подушку.

Вошедшая Милица услышала, как он бормотал:

«...дочь волчицы... ..Тростинка...»

Ничего не поняв из слов мужа, Милица потихоньку вытянулась рядом. Опять Властимир не обращает на нее внимания. Милица тихо плакала, искала причины: в чем не угодила мужу? Ведь он сам выбрал ее! Она знала, что Властимир выбирал из трех невест. Значит, понравилась она больше других. Тогда почему так холоден?

Утром она жаловалась старой няньке:

– ...вернулся с охоты, даже не примолвил! Может, есть у него другая? Поди, знай, о чем он думает? Ведь он близко к себе не подпускает.

«А может холопка какая ласкает его?» – поразила Милицу догадка.

Нянька обняла ее за плечи:

– Не казни себя, голуба моя! Нет у Властимира никакой холопки. Уж об этом я бы знала! Я все слышу, о чем дружинники шепчутся. Они меня старой не чураются, такое расскажут...

Она гладила голову молодой женщины, успокаивая ее, но в глазах старой няньки таилась тревога. Подозревала нянька, что сердце князя не лежит к молодой жене. В неверности уличить его тоже не удавалось. Всё происходящее в тереме и его окрестностях знала нянька. Даже мысли окружающих не были для нее загадкой. Властимир тоже весь на виду. Но видно всего не провидишь, не прознаешь мысли, которые и самому князю не до конца ясны.

Глава 12

В высоком тереме, на широкой кровати, на пуховой перине не спалось князю Борилу. Он ворочался с боку на бок, не давая покоя и своей жене.

Наконец, Евдокия не выдержала:

– Ты бы рассказал, какие думы тебя мучают? Все отцовский дележ гложет тебя?

– Город у Властимира не велик, да пользы от него много. Гости заморские наезжают. Пошлины платят. И немалые. – Борил беспокойно соскочил с постели и быстро заходил по опочивальне.

– Сама вот понимаешь, как отец младшего оделил. А меня обделил! – глаза Борила злобно заблестели. Он пятерней взьерошил темные с проседью волосы:

– Не придумаю я ничего путного.

– Ложись да спи спокойно, – равнодушно произнесла Евдокия, понимая, что мужа это только раззадорит.

Евдокия вовсе не была равнодушной к делам мужа. Она участвовала во всех его планах. И теперь ее показное равнодушие взбесило Борила.

Он подскочил к постели и, ухватив жену за плечо, повернул к себе лицом:

– Вот и раздели со мной думы. Как братца потеснить мне? Да чтобы Радомир с Василем не заподозрили, не вмешались бы в планы мои! У нас сыны подрастают! Им простор нужен. А где простор в нашем углу? Будут грызться за мой удел! Замыслят меня известь!

Евдокия замахала на мужа белыми руками: не думай о детях плохо!

Но Борил знал своих сыновей. Это материнское сердце слепое, а он видел, как не на шутку, до крови дерутся его сыновья. Как зло блестят глаза старшего Кирилла, когда он задирает младшего Радула. Пристально следит за сыновьями Борил, привычка эта с детства живет в нем. Вот так же за братьями подмечал, чтобы потом отцу ненароком рассказать.

Братья о том и не догадывались. Все холопов винили в том, что отцу ведомо об их проделках.

Да-а, крепко не любит Борил своих сводных братцев. Присев на край кровати, он ждал, что предложит жена.

– Ты хитрее будь! – наставляла Евдокия. – Время еще есть. Ласковой с братьями будь. В гости позови. А там глядишь, и придумается, как известь Властимира.

Борил долго еще лежал с открытыми глазами. Недобрые мысли мелькали в его голове, молниями сверкали в глазах.

Глава 13

Утром нянька Прося потчевала Властимира капустным соком. Нелегко далась князю вчерашняя попойка. Он сидел на табуретке в покоях няньки, опустив тяжелую голову.

– Что, чадушко, тяжело тебе?

– Тяжко, нянька, – вздыхал князь. – Ты руку вот сюда прислони, мне легче от того будет.

Он прислонил морщинистую нянькину руку к своей нечесаной голове. Нянька поглаживала светлые волосы и ласково выговаривала неразумному чаду:

– Негоже, сынок, цедить столь медовухи. Она хоть и сладкая, а голова потом болит. Да и пьешь ты с дружиною. Посмотрят на тебя, послушание потеряют.

Властимир попробовал возразить, тряхнув головой, но под черепом зазвенели колокольцы, и князь только крикнул от неудовольствия.

– А ты не перечь! – нянька мягко толкнула его в плечо, – жену молодую забыл совсем! Томится бедная в тереме одинокая. Ты по лесам рыщешь, а она в окно глядит. Не дело это, князюшка. Повези ее на прогулку. Поди, половцы-то далече от мест наших укочевали. На дорогах безопасно. А нет, так и дружину возьми в охрану да потешь молодку. Другие князья, так и на охоту жен берут. А ты – словно неженатый – все один ездешь.

Властимир, оклемавшись от похмелья, решил, что нянька права: надо развеять молодую жену. Он велел няньке передать, чтобы Милица в дорогу собралась: до деревни проедутся.

Милица вышла на крыльцо, одетая в парчовую шубку; подбитую собольим мехом, парчовая шапочка, отороченная темным соболем, украшала ее голову, повязанную тонким платком. Такие же парчовые рукавички, отороченные собольим мехом, грели маленькие руки. Щеки ее горели ярким румянцем. Она, украдкой, бросала ласковые взгляды из-под пушистых ресниц на мужа. Князь сидел на белом коне. Черты его бледного лица заострились от недавней муки, светлые волосы выбивались из-под шапки. Властимир недовольно хмурил брови, ожидая жену.

Милица поняла, что опять не угодила мужу – видно долго собиралась в дорогу.

Охранники поклонились княгине. Холоп подвел низкорослую кобылу и помог княгине взобраться в седло.

Властимир нетерпеливо дернул удила, и белый конь, послушный хозяйской руке, тронулся с места, гордо выгибая шею.

Городские зеваки завистливыми взглядами провожали княжий проезд. Какой князь гордый, а молодая княгиня, как разодета. Как в седле держится! Все подмечает честной народ. Шепчутся вслед городские кумушки, головами качают сочувственно. Не видят князь с княгиней взглядов, да молвы городской не чувят. Не для них сплетни городские. Молча едет впереди князь, молчит и княгиня, изредка подергивая удила, понукая лошадь идти быстрее...

Поприща-вёрсты до деревни никто не мерил. Знали только, что дорога короче за разговором, да если разговор тот весел. Но, глядя на хмурого князя, молчали дружинники, молчала и молодая княгиня. Дорога для Милицы показалась длинной и скучной. Мороз, пощипывая щеки, пробирался под одежду, сковывал неподвижные ноги.

Она еле сдерживала набегавшие слезы: не так Милица представляла себе прогулку с мужем. Ей хотелось поговорить с Властимиром. Понять, о чем он думает, что тревожит его. А князь опять отгородился думами от своей жены. Вон переговаривается с Младом. А для нее не нашлось словечка.

Деревня встретила всадников настороженно.

На улицу выбегали раздетые женщины, тащили в избы малых детей. Мало ли зачем князь припожаловал. Мужики выглядывали из дверей, следя, куда повернет княжий отряд. Князь, проехав по улице, повернул коня к самой большой в деревне избе. Из распахнувшихся дверей, навстречу спешившимся всадникам, выскочил мужик в одной холщевой рубахе. Вслед за ним

спешили во двор двое сыновей. Они, кланяясь князю, забирали удила из рук дружинников и привязывали лошадей у коновязи.

Млад, видя, что князь не спешит помочь жене слезть с лошади, неловко подхватил ее за талию и помог спрыгнуть.

Милица кивком поблагодарила Млада за помощь и поспешила вслед за мужем. Низко нагибаясь в дверях, Властимир вошел в избу.

Хозяйка, суетясь, смахивала со стола крошки от недавнего обеда, приглашала князя и княгиню к столу.

Милица брезгливо озиралась по сторонам.

Закопченные стены, земляные полы, оконца, затянутые бычьим пузырем, отпугивали ее. Милица подобрала подол и присела на край чисто выскобленной лавки. Хозяйка подала ей горячее питье, заваренное из сухих трав и приправленное каплей меда, но княгиня не приняла плошку из ее рук. Она ждала, когда муж закончит разговор с хозяином о деревенских делах. В беседу она не вникала. Не женское то дело. К ее ногам подполз чумазый ребенок. Короткая рубашонка еле прикрывала его кривые ножки. Задрал голову, он с любопытством рассматривал Милицу. Та подхватила его на руки. Хозяйка тут же кинулась отнимать ребенка:

– Отпусти его, княгинюшка, грязен он! Наряд твой испортит!

Но Милица прижала к груди теплое тельце малыша, и радостная волна окатила ее. Ребенок, чувствуя ее доброту, прильнул к ней головой и ручонкой обнял за шею. Милица погладила его по спине и отпустила на пол. Этот маленький карапуз пробудил в ее душе жажду материнства. Она поняла, чего не хватает мужу. Ведь до сих пор она не осчастливила его потомством. И до сих пор не задумалась, что живут они не один день, а так и не понесла она от мужа. Догадка, что он не доволен именно этим, обожгла ее. Уж теперь-то она постарается!

Ее мысли перебил голос хозяина дома:

– Не дает она житья нам, батюшка князь! Вчерась крышу на риге у Демьяна разодрала, всю солому сняла. Овец порезала, теленка унесла! Так не впервой такой урон от нее. Поймать надоть ее! Да порешить! Иначе деревня останется без скотинки! Как жить смердам?

– Мало ли волков в округе? – задумчиво перебил его князь. – Откель взяли, что волчица творит разор?

– Дак, батюшка! – развел руки хозяин, – видали ее сколь раз! Не боится она никого! Взгляд у нее зеленый, ни с кем не перепутаешь! Глянет, будто в болото потянет! Боятся смерды, князюшка! Помог бы ты! На тебя надежда вся! – Хозяин дома смотрел на князя умоляющим взглядом. Спина его не разгибалась в поклоне.

– Ладно! Устрою западню вашей волчице! Никуда не денется! – пообещал, поднимаясь с лавки Властимир.

Обратная дорога была все также длинна. Никто не обмолвился даже словом, глядя на молчавшего князя, неизвестно о чем задумавшегося. И даже тропинка, протоптанная сбоку от дороги и уводящая в сторону леса, не привлекла внимания князя, не напомнила ему прошедшее лето. Ехавшая вслед за ним Милица улыбалась загадочной улыбкой, что наводило тень на лицо не сводившего с нее глаз Млада. И чем ближе были стены города, тем бледнее, несмотря на мороз, становилось лицо молодого гусяра.

Вечером трапезничали без разговоров.

Прося оглядывала супругов и недовольно качала головой. Властимир не обращал на нее внимания. Милица, стараясь угодить мужу, пододвигала ближе к нему блюда с вкусной едой. Холопы, угадывая каждое желание хозяина, подносили блюда, подавали плошку с водой для омовения рук. Не любил князь промедления. Вот и старались холопы, видя хмурое лицо молодого хозяина.

Некоторые из них еще не забыли старого хозяина. Тот был проще в общении. Ел руками, обтирая пальцы краюхой хлеба от стекающего по ним жира.

Молодой князь, проведший не один год в греческих землях, заводил новые порядки в отцовском тереме. Холопы с ног сбивались, пытаясь угодить новому хозяину. А ему все мало. Все не так. Вот и теперь брови насупил. Не иначе быть сегодня кому-то из холопов поротым. Но трапеза закончилась благополучно, и князь, сопровождаемый своим верным дядькой Назарием, отбыл в опочивальню.

Милица, лежа на взбитых лебяжьих перинах, не смыкала глаз. Муж давно храпел на своей половине постели, а ей не давала покоя мысль, пришедшая в деревне. Но Властимир сегодня не замечал ее, напрасно Милица пыталась приласкаться к нему. Напрасно сама гладила его плечи. Муж не отзывался на ее ласки. На глаза Милицы набежали слезы, потекли по розовым щекам, закапали на высокую подушку.

Внизу, в покоях, где находилась стража, тосковал Млад. Видно никогда не обратит на него внимания княгиня. Не посмотрит с такой нежностью, как смотрит на мужа. Для чего забрала она сердце у парня? Для чего тоска гложет, уснуть не дает? Почему выбрал ее в жены князь? Ведь не любил он. А девок красивых вокруг не счесть. Приглядел бы другую.

Видно, так свыше предначертано.

И маются теперь все трое. Милица мужа любит, он, Млад, ее любит. А князь, он же никого не любит! Терзается молодая душа. Только изменить теперь уж ничего нельзя. Мечется Млад в покоях, мысли терзают его нехорошие!

Глава 14

Небольшой отряд дружинников, во главе с князем Властимиром, выехал на знакомую лесную поляну. Озеро, закованное в голубой лед, весело рассеивало солнечные лучи, падавшие на его поверхность. Занесенный сугробами осокорь под легким ветерком отряхивал с веток блестящий снежок, будто приветствуя старых знакомых. Кони тонули в нанесенных сугробах, прокладывая грудью путь вперед.

Задумал князь охоту на волчицу-оборотня, что покоя не дает его холопам. Не верил князь, что оборотень обитает в его лесу. Холопы еще поклоняются своим идолам, вот и мерещится им...

Отряд уже несколько часов продвигался в лесную глубь, так и не повстречав на своем пути волков. Стрелы настигли двух молодых косуль, неосторожно объедавших молодые ветки.

Андрей ранил здорового лося, попав стрелой в правый бок. И теперь отряд преследовал подранка. Лось не подпускал людей близко, мелькая между деревьев. Жалея стрелы на истекающее кровью животное, охотники гнали его по лесу, в надежде, что он упадет от усталости. Лось, выпуская изо рта клубы пара, бежал все медленнее. Отряд разделился, обходя животное с двух сторон. Князь Властимир пустил коня вперед, в азарте пытаясь догнать подранка. Уголек легко обходил высокие сосны, хозяйский азарт передался и коню. Лось выбежал на небольшую полянку, окруженную разлапистыми елками. Они росли так густо, что пробраться сквозь них было невозможно.

Поспевший всадник преградил выход с поляны.

Поняв, что ему не выбраться, лось медленно повернул обратно, глаза его налились кровью. Опустив голову, увенчанную могучими рогами, лось двинулся на ненавистного преследователя. Властимир соскочил с коня и резким движением вытащил меч из ножен. Лось приближался медленно. Уголек, понимая, какая опасность грозит его хозяину, двигался навстречу зверю, пытаясь обойти человека сбоку. Все трое понимали, что одному из них не уйти с поляны. Почти поравнявшись со зверем, Уголек поднялся на дыбы, стараясь копытами ударить противника. В это же время Властимир бросился навстречу лосю, держа меч вверх, словно охотничий нож. Уголек ударил копытами, метя в нагнувшуюся голову. Властимир, спасаясь от ног коня, прыгнул в сторону, успев полоснуть мечом по горлу зверя. Он увидел, как из широкой раны хлынула алым ручьем кровь, и лось повалился на снег. Уголек, хрипя, топтал истекающее кровью животное. Властимир поймал его за узду и запрыгнул на круп. Держа твердой

рукой уздечку, он направил Уголька к выходу с поляны. Конь, разгоряченный битвой с лесным зверем, несся по лесу, не замечая сугробов, обходя лишь высокие деревья, кустарник не был для Уголька преградой, он не замечал хлеставших по бокам ветвей.

Властимир не сдерживал его. Пригнувшись к шее коня, он терпеливо ждал, когда тот, наконец, остановится. Уголек, постепенно успокаиваясь, переходил с галопа на рысь. И, наконец, совсем успокоившись, конь пошел шагом, тряся гривой, словно извиняясь перед хозяином за свое безумие.

Властимир, потрепал его по гриве: ты молодец! Как хозяина спасал!

Он огляделся. Местность была незнакомой. Высокие сосны окружали его. Они росли так густо, что, казалось, выбраться отсюда нет никакой возможности. Дернув за узду, он направил Уголька вперед. Тот, сделав несколько шагов, остановился и захрипел. Коню не было прохода в гуще скопившихся высоких и подрастающих деревьев. Властимир соскочил с коня, провалившись выше колен в снег. Ухватив Уголька за уздечку, он повел его по следам назад. Но вскоре следы затерялись и исчезли совсем.

Ранние зимние сумерки опускались на лес. Солнце быстро исчезло за высокими деревьями. Крепчавший мороз застучал по соснам, треща сухими сучьями.

Пытаясь выбраться из леса, Властимир шел вперед, ведя коня в поводу. Он никак не мог понять, с какой стороны прискакал сюда. Он совсем не знал леса. Много лет прожив в другой стране, он отвык от тех навыков, какие прививал отец. Да и учил отец больше владеть оружием, защищать свою сторону от нашествий врагов. Может дружинники и знают лес, но, поди, сыщи их сейчас. В опустившейся ночи слышались шорохи. Уголек сторожко озирался на каждый шорох и стук. И, наконец, в ночи слышался волчий вой. Властимир криво усмехнулся. Это было самое худшее. Даже не веря в волка-оборотня, надо было опасаться этих лесных жителей. Видимо почуяли добычу! Несколько голосов перекликались между собой, сбиваясь в стаю. Вой доносился все ближе и ближе.

Властимир упрямо шел вперед. Впрочем, он и не знал: идет ли он вперед, или назад, или просто кружит на одном месте. Звезды затерялись на темном небе, и их свет не проникал сквозь сомкнувшиеся вершины. Между деревьями замелькали горящие огоньки. Они, молча, приближались, смыкая круг. Было непонятно, почему до сих пор ни один из них не кинулся на человека или коня. Судя по мельканию огоньков, волков собралось достаточно, что бы сомкнуть, наконец, круг.

Властимир понимал, что скоро кто-то из них решится на прыжок. Рука его сжимала рукоять меча. Уголек нервно фыркал, поводя выкатившимися глазами. Вдруг среди деревьев мелькнули два ярких зеленых огонька. Они медленно передвигались справа от князя, не приближаясь, но и не удаляясь. Властимир все шел вперед, дергая за удила, не давая коню встать на дыбы. Через некоторое время он понял, что их больше не преследуют горящие огоньки. Лишь два зеленых светящихся огня светились, по-прежнему, справа, сопровождая его. Огоньки приближались и, опасаясь их, Властимир повернул налево. Огоньки остались на прежнем расстоянии.

– Да они направляют меня, – понял князь.

Некоторое время зеленые огоньки мелькали справа, потом, словно по волшебству, переместились на левую сторону, и Властимир повернул налево. Он не сознавал, сколько прошло времени, поворачивая то вправо, то, идя прямо по заснеженному лесу. Казалось, деревья расступаются перед ним, пропуская вперед. Лес стал светлее, деревья редели. Уголек спокойно следовал за хозяином, иногда тыкаясь ему в плечо, словно приглашал хозяина на свою спину.

Но Властимир не чувствовал усталости. Он упорно шел вперед, не выпуская из виду зеленые огоньки.

«Если это оборотень, зачем показывает дорогу?» – думал он. Князь не сомневался, что огоньки ведут его. Только куда? И почему отстала стая? Если это волчица, не лучше ли было ей вместе со всей стаей наброситься на человека? Властимир не заметил, как лес расступился,

и он оказался на знакомой поляне возле озера. Вот и осокорь. На фоне розовеющего неба он выглядел угрожающе черным. Никогда прежде не видел его таким Властимир. Огоньки погасли неожиданно.

Оглядев поляну, князь не заметил больше их свечения. И лишь далеко в лесу раздался злобно-разочарованный волчий вой.

По знакомой тропинке Уголек быстро донес хозяина до города. Городские ворота были заперты. С башни всадника долго спрашивали, кто есть таков. Наконец поверив, что это князь, ворота отворили. По безлюдной улице Властимир доехал до терема. На крыльцо, причитая, выбежал дядька Назарий. Он дрожал всем телом, одетый лишь в домотканую рубаху. Из глаз его текли слезы, когда он обнимал соскочившего с коня князя.

– Батюшка наш! Князюшка! Мы уж столько передумали, когда дружинники одни воротились! Где же носило тебя, чадо? – с упреком в голосе вопрошал старый слуга.

Властимир быстро прошел в хоромы. Он так устал, что не слушал причитаний старой няньки, не видел снующих вокруг холопов. Повалившись на постель, он тут же уснул. В забытьи ему все чудились зеленые огоньки в ночи.

Путру князь проснулся поздно.

Назарий, подававший ему одежду, рассказывал последние новости:

– Прибыл гонец от братца вашего князя Борила. Зовут в гости с молодой женою.

На глазах старого слуги показались слезы:

– Исполняют ваши братцы заветы отцовские! Вот соберетесь все вместе, как в старые времена, что при князе были.

Назарий смахивал набежавшие слезы, не в силах больше говорить.

– Старый ты стал, слезоточивый! – князь медленно одевался. Ночное блуждание по лесу отзывалось ломотой в теле, ныло в голове, отекавшие ноги не хотели слушаться хозяина.

– Дак, конечно, постарел я! К батюшке вашему мальчишкой попал, – Назарий был рад поговорить с князем. – Вас всех четверых выпестовал. Ты, чадушко, больше всех забот причинял. А когда отправился ты за моря, как тебя не хватало мне!

– Отчего ж скучал по мне? Ведь отец за мои проделки сколь порол тебя!

– Было, чадо, было! Да в разлуке помнится только доброе. Ты – последыш. Оттого и дороже тебя нет никого! Уж как скучал я по тебе!

– Ладно! Уходи! Хватит с меня твоих причитаний! – Властимир тяжело поднялся с кровати.

Глава 15

Сколько ни лютовала зима, а все ж кончалось ее время. Межень (февраль) не был уж таким суровым. На Сретенье детишки солнышко звали заклинаниями:

Солнышко, Солнышко,

Красное ведрышко,

Выгляни из-за горы,

Выгляни до вешней поры.

Прислушавшись к гомону детворы, солнце радостно выглянуло из-за горы да так и светило весь короткий зимний день, заставляя плакать сосульки и растапливая снег около завалинок. Значит, весна ранняя будет. Ведь в этот день армяк с шубой встречаются! Оттепель – весна ранняя.

На городской площади народ строил снежный город.

Борил, проезжая мимо ледяных стен, ревниво оглядывал сооружение. Уж очень хотелось ему похвастать перед братьями.

– А стены – не низкие? – с сомнением спрашивал он у кузнеца.

Тот, трясая гривой седых волос, поводил могучими плечами:

– Куды ж выше, батюшка? Мне и не допрыгнуть! А уж толстые-то какие! Братцам вашим попотеть придется! Сразу не одолеют!

– Посмотрим! Посмотрим! – Борил щурил темные глаза.

Ждал князь Борил в гости братьев.

Скоро Масленица. Божество зимы Моран уступает свое владычество божеству весны Ладе. Радуются люди силам света и тепла, победившим холод и мрак. Веселый праздник! Первый день – «встреча» – горшки раскатывают...

Второй день – «заигрыш» – игры веселые на потеху народу. Дураки да скоморохи! Угощения с блинами да брагою. Пусть потешатся братцы!

Стеша сидела в избе тетки Арины. Василя дома не было, и они разговаривали о нем.

– Теперь уж изменить нельзя ничего! – Стеша невесело опустила голову, – Не корите меня, тетка Арина. Василь хороший, добрый!

– Он в тебе души не чает! – упрекнула ее пожилая, утомленная женщина, – да и мне помощница была бы. Стара становлюсь, силы не те. В поле тяжело управляться мне. Дочери не помогают совсем, у них свои семьи, дети. Василю тяжело одному. А кроме тебя никого не хочет в дом приводить. Неладно это! Ох, не ладно!

Стеша сидела на скамейке, опустив голову. По улице шли нарядные девки. В деревне гулянье. Вон на санях, запряженных тройками, парни девок катают. Смеются беззаботные молодки, зубами белыми сверкают. Никогда не примут они лесовинку в подружки к себе.

– Пойду я, тетка Арина, – поднялась Стеша со скамьи.

– Так не дождалась Василя-то! – всплеснула руками Арина.

– В другой раз свидимся.

Стеша, не спеша, шла по деревенской улице. Яркое солнце приветствовало народное веселье. Звенели колокольцы под дугами упряжки. Возницы дергали за вожжи, убыстряя бег лошадей.

С проезжающей тройки на Стешу посыпались язвительные насмешки:

– Ишь, волчья дочь зачастила в деревню! Попугать ее надо! Нечего колдунье в деревне делать!

Стеша, сгорбившись от таких слов, ускорила шаги. Скорее в лес. Там спокойно. Никто не назовет ее волчьей дочерью.

Четверо братьев выезжали из ворот княжьего терема.

Гостеприимный хозяин направил коня на городскую площадь:

– Эх, распотешимся, братцы! Крепости брать – нам не привыкать!

Радомир, степенно, как и полагается старшему, ехал вслед за ним.

Наступил, «разгуляй» – четверок. Принес с собой народное гулянье, с катанием на лошадях, с битвами за снежные городки...

Глаза младшего из братьев горели молодым задором и азартом. В лихо заломленной назад шапке, в рукавицах отороченных беличьим мехом, он смотрелся скорее удалым молодцем с «большой дороги», нежели грозным князем.

Василь, мешковато сидевший в седле, замыкал небольшой отряд. Ему вовсе не хотелось ехать вместе с братьями. Он с удовольствием почитал бы греческую книгу. Или пошел в храм: там можно было побеседовать с настоятелем Иеронимом. Но он не мог не поддержать братьев, хоть совсем и не любил веселья.

На площади дожидались князей.

И стоило только Борилу выехать из переулка, со всех сторон посыпались приготовленные заранее снежки. Князя пригибались к гривам лошадей, уворачиваясь от снежной атаки. Нелегко подобраться к крепости.

Властимир, раззадоривая своенравного Орлика и сжимая его бока сапогами, подергивал удила, заставляя коня проникнуться своим азартом. Орлик взмахнул гордой головой и понес князя прямо в толпу.

Холопы разбежались по сторонам от конного княжьего отряда. Стороной они пробирались в снежную крепость и из укрытия смело атаковали нападающих.

Борил и Радомир, зажигаясь азартом младшего брата, натянули удила, понуждая коней встать на дыбы.

Разгоряченные кони стрелой понеслись на переливающуюся снежную махину. Грудью врезались они в податливые стены, подстегиваемые плетями.

Горожане, находящиеся на стенах, тут же обрушили на головы разрушителей огромные глыбы снега, метко метали накатанные заранее снежки. Со стен крепости слышались заливистые посвисты, улюлюканья и насмешки над незадачливыми князьями, тонувшими в сугробах ссыпанного на них снега. У нападающих буквально на глазах исчезали пирамиды заготовленных снарядов, а князья не думали сдаваться, без конца повторяя свои атаки.

Наконец, защитники, не выдержав натиска, пустились наутек. Разрушенные стены города смешались с людской хохочущей толпой защитников и нападающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.